

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Кристиан БЭД

ДУРАК КОСМИЧЕСКОГО МАСШТАБА

Галактика ждет тебя

Кристиан Бэд
Дурак космического масштаба
Серия «Современный фантастический
боевик (АСТ)», книга 244

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68468831

Дурак космического масштаба:

ISBN 978-5-17-152614-6

Аннотация

Прошло 2000 лет с начала колонизации галактики. Земля забыта. Человечество утратило координаты своей прародины.

Пилот-стрелок Агжей Верен молод, самоуверен. Судьба забрасывает его на боевой крейсер имперской армады «Аист», где он поступает в подчинение к более опытному и умелому напарнику Колину Макловски по прозвищу Дюп.

Освоенная вселенная находится на пороге войны, и Агжей узнаёт, что напарник должен срочно лететь в другой конец галактики, потому что именно там – передовой фронт сражений. Потеряв друга, он тоже пытается добиться перевода на древний и мятежный Юг, откуда когда-то начиналась колонизация галактики.

Содержание

От автора	5
История первая	7
История вторая	27
История третья	37
История четвертая	49
История пятая	70
История шестая	88
История седьмая	98
История восьмая	117
История девятая	144
История десятая	165
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Кристиан Бэд

Дурак космического

масштаба

© Кристиан Бэд, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

От автора

Так случилось, что я вспоминаю будущее.

Если ты веришь в реинкарнацию, знай – душа в череде воплощений не совершает поступательного движения во времени. Вполне возможно, в прошлом рождении ты тоже видел, что будет с миром тысячелетия вперед.

Вспоминать я начал случайно, и не с этой истории. Поначалу не очень себе верил. То, что всплывало в памяти, казалось бредом или болезнью, картинки были обрывочными и бессвязными...

Потом все как-то утряслось. Да, я вспоминаю нечто. Я искренен с тобой, читатель. Все имена и названия в моих историях – настоящие. Огласовку менял лишь в тех случаях, когда она немилосердно резала современное ухо.

Читай. И пусть пройдет время, чтобы мы узнали, что здесь правда.

Я благодарю друзей и помощников. Одни мысленно были со мной, другие помогали исправлять ошибки, третьи не давали забыть, что живу я все-таки в нашем времени.

Перес Мешник

Виктор Ковтуненко

Елена Чернышева

Елена Кулагина

Влад Никитин

Павел Техдир Антипов

Душа Хрустальная

Елена Грушковская

Анна Самойлова

End1

Спасибо вам. Вы спускали меня с неба на землю и давали
силы подняться снова.

История первая

Проблемы с внешностью

Из дневниковых записей пилота Агжсея Верена.

Система Кога-2, Карат (Ивирэ)

Еще одна девица склонилась к другой, кивая в мою сторону.

Чего они все уставились?

Маленькие, пестрые, разряжены словно сороки. Есть такие птицы, жадные до побрякушек. Живьем я, правда, сорок не видел, только на голо. Говорят, их привезли когда-то прямо с Земли. Хотя, кто знает, была ли вообще эта Земля? А девчонки – вот они, руку протяни...

Первый раз после того, как покинул дом, еду в общественном транспорте. Он и сохранился-то лишь на заокраинных планетах вроде моей родной или этой.

Парень вот на меня выпучился. Но молчит. Я на полголовы выше.

Одет я обыкновенно (для Центра Империи): плащ из кожи змеептицы (ценой в пожизненную зарплату здешних шахтеров), на запястьях – нанобраслеты, от них руки как будто в перчатках из стальных лучей (тоже очень недешевая штука).

В остальном все просто. Волосы я не обрезал со дня сдачи

экзаменов, так, подровнял вчера, и лицо мне немного выбелили от загара. Хотя, сколько ни сиди теперь в салоне, загар въелся – не отбелишь. И ширину плеч никаким плащом не скроешь.

Но это для миров Экзотики вульгарно – иметь такой грубый загар и такие широкие плечи, а здесь коротышка подрался бы со мной как раз потому, что я, по его мнению, слишком ухожен. Вот если бы я еще не смотрел на него с высоты своих двух метров!

Смог бы – съел бы меня глазами...

Здесь, на Ивирэ, не умеют скрывать мысли. Ивирэ – тихая планета. Северные задворки Империи. Выплавка металлов, добыча графита. Люди – прыщавые и мелкие. Девушки... Ну, девушки везде ничего, если помоложе.

Ивирэ называют еще Карат. За вид из космоса. Но лучше не садиться, чтобы не разрушать иллюзию. А я сел. Зачем? А не твоего ума дело.

Тут трилет завис, и я вышел. На остановке. Фантастика. Парням расскажу – не поверят.

Или тот, что смотрел на меня, – узнал?

В гостинице я уставился в зеркало. Может, что-то не так во мне?

Но все было как надо.

Я блондин, у меня большой рот и широкие скулы. Можно, наверное, сказать, что у меня чувственный рот, потому что он-то обычно и притягивает взгляды. Даже если сам смотрю

на себя в зеркало, я вижу прежде всего рот. И женщины так же смотрят на меня, то есть на него, ну, как я в зеркало.

А больше и смотреть не на что. Глаза серо-зеленые, морда загорелая, как у любого космо. Скажи, у кого она в космосе не загорелая? Разве что у параба? Это парабы, твари шести-рукие, не загорают от ближнего ультрафиолета.

Да, самое главное, мне двадцать два стандартных года. По имперским законам уже не мальчишка, но смотрю на мир все еще как семнадцатилетний. По крайней мере, в зеркале у меня очень наивные глаза, словно не убивал, не имел женщин. С такими глазами и живу. И убиваю.

Работа у меня такая – стрелок космической армады.

Вернее, пилот-стрелок. Второй пилот и второй стрелок. Оттого и волосы отрастил.

Почему? Да потому, что стрелки подчиняются напрямую наводящему. А наводящему плевать на мою прическу. А вот капралу совсем не плевать. Капрал подходит, смотрит сначала на выскобленную башку Дьюпа, потом на мою, волосатую, и долго-долго ругается на пайсаке. Но он плюется и уходит, потому что капрал мне никто, и звать его никак. И мне дела нет до того, что мой внешний вид ему противен. Когда ты полгода без твердой земли, один такой приход – полчас радости. А поменяют капрала, я и волосы срежу – надоели. Могу даже побриться, как Дюп.

Дюп – мой напарник, то есть первый стрелок, а я его дублер и две дополнительные руки.

Дьюп не только в нашей паре первый, он Первый для всего крыла. Потому что мой напарник – один из лучших стрелков армады.

Башка у него всегда блестит, Дьюп бреет ее старинным таянским ножом. А в кожу между бровей он засадил толстое титановое кольцо. Парни говорят, что у Дьюпа не только кожа на лбу проколота, но и черепушка просверлена, и именно поэтому Дьюп – того. У него реакция – «четыре». А у человека потолок – «тройка». У меня тоже «тройка». Может, я и мог бы стрелять быстрее, но есть конкретная скорость прохождения сигнала в мозгах. То есть Дьюп палит туда, где цели пока нет, но сейчас она там будет.

И он не только палит. Еще никто не смог увернуться, когда Дьюп бьет кулаком в морду. Шутка у нас есть на корабле такая: заставить новичка подойти к нему, задрать нижнюю губу на верхнюю и хрюкнуть. Дьюп не обижается, он просто бьет.

За этой шуткой, похоже, скрыта какая-то давняя история. Копался я раз в сети и зацепил глазами слово «дьюп». Оказалось – это животное типа свиньи с такой вот выступающей нижней губой. И я понял, что Дьюп – совсем не имя, но спрашивать ничего не стал. Я слишком ценю дружбу с Дьюпом. Хотя язык у меня чешется. Когда-нибудь не удержусь и спрошу. Интересно, он мне врежет?

Из-за Дьюпа меня на корабле почти не задирают, хотя я первый год в армаде, да и вообще – есть за что.

И тут запищал софон.

Все бы ничего, но мне на этой планете никто не мог звонить. Я местный говорильник по прилете купил, чтобы такси, например, вызвать или гостиницу заказать. На руке болтался, конечно, служебный спецбраслет для связи с кораблем, такси можно организовать и по нему, но «батарейку» тратить жалко. Да и вызов пойдет как межпланетный, спишут еще с кредитки. А барахло однокнопочное можно потом сдать прямо в порту. И тем не менее оно зазвонило! Вот ведь сакрайи Дадди пассейша!

Ответить? Хемопластиковый многогранник не мигал, предвеляя голорасширение, и даже не сформировал экран. Значит, номер не определился. Кто-то ошибся? Тогда софоны обменяются параметрами автонабора, и «планетарник» смолкнет...

Нет, звонит, гадина.

Кому я могу быть здесь нужен? А главное – зачем?

«У человека есть сто восемнадцать способов испортить себе жизнь. И сто восемнадцать выходов из трудных ситуаций, но все они против совести», – вспомнил я экзотианскую пословицу и нажал единственную кнопку.

– Слушаю! – я уже не сомневался, что звонят мне.

Софон потеплел и изобразил допотопную трубку с голосовым модулем.

– Господин эрцог, эскорт будет через десять минут, – сказал бумажный голос.

Квэста Дадди патэра! Но вырвалось:

– Какой, к Памяти, эскорт?!

(Ну не мог же я выругаться на пайсаке? И я брякнул, что слышал на экзотианском Орисе. Есть там такая забавная религия Веры и Памяти. Ее последователи считают, что человек в принципе вечен, а убивает его только память. И выражаются типа «да иди ты к Памяти».)

Трубка икнула. Похоже, она и ждала, и боялась чего-то такого.

Эрцог, между прочим, самый высокий титул в мирах Экзотики после Императорского дома. Но если учесть, что власть императора давно номинальная, то эрцог – о-го-го какая рогатая скотинка. Неужели меня до сих пор не опознали по голосу?

– Мы понимаем, что вы здесь инкогнито, господин эрцог, и подчиняетесь ритуалу. Но мы вынуждены настаивать на эскорте, – заходила трубка. – В провинции восстание шахтеров, беспорядки...

Я перестал слушать. Дешевая мистификация, или меня с кем-то глобально переплели? Эрцог?

– Какое МНЕ дело до ВАШИХ восстаний и ВАШИХ беспорядков? – тихо и язвительно спросил я. Я вообще стреляю и говорю быстрее, чем думаю, однако и навожу тоже быстро – «тройка», она и есть «тройка». – Вам сообщили, что я здесь? Забудьте это. Вы в курсе, что, если... Я... скажу... «УМРИТЕ»... вы умрете?!

Трубка заткнулась, наконец. Она была в курсе, что высококородные миров Экзотики, особенно так называемые ледяные аристократы семи высших домов, действительно могли убить двумя-тремя грамотно построенными фразами. И, похоже, эрцог, за которого меня приняли, тоже мог.

– Сна вам без сновидений! – попрощался я очередной экзотианской пословицей и выключил софон.

Следующим порывом было – выбросить его в окно, но я сдержался. Софоном гостиничное окно не разобьешь даже в провинции.

Эрцог, надо же. Кто у нас вообще сейчас эрцог в двадцать два стандартных года? Ой, газеты надо было смотреть на полете к Карату, а не зависать на порносайтах!

Включать софон, чтобы глянуть прессу, было бы большой глупостью. Его вообще следовало как можно быстрее сбить с рук, этот дешевый звонильник.

Я оторвал от пластиковой гостиничной простыни длинную полосу, снял плащ, плотно свернул его, стараясь, чтобы получился прямоугольник, сунул на грудь под рубашку, примотал к телу. (Плащ из кожи змеептицы – не лучшая защита, но хоть что-то.) Потом я воткнул софон в задний карман брюк и пошел в гостиничный бар. Теперь за звонильник можно не беспокоиться, минут через десять он отправится в причудливое путешествие по городу. Ну и Хэд с ним. А в баре к тому же есть раздолбанные терминалы, где можно полистать газеты.

Читая, я почувствовал, как софон «ушел»... Не стал его задерживать. Я искал эрцога двадцати с небольшим лет, последователя Веры и Памяти. Может, кто-то недавно издох, и на парня рухнул титул?

«... стала смерть преподобного Эризиамо Риаэтэри Анемоосто Пасадапори. Наследник – двадцатилетний Агжелин Энек Анемоосто инкогнито отбыл в паломничество по местам молодости дяди. (Ну, правильно: эти ледяные уроды наследуют не отцу, а дяде.) Безвременно ушедший в возрасте двухсот тридцати шести стандартных лет эрцог и эрприор дома Паска оставил наследнику сто семь планетных систем (ого!.. ой, сколько всякой хрени!)... и синий камень в 1842 карата с записью всех философских догматов дома Паска и высочайшей просьбой к наследнику рода, которую, как полагают родственники, тот и отправился исполнять».

Вот я влип. Хотя... Гори он багровым огнем, этот эрцог. Пива и спать! И пошел он в... Нет, неинтересно ругаться на стандарте. Скучно. Хорошо хоть – завтра на корт¹ и...

Я выпил пива и пошел в свой номер.

Дом Паска – это дом Аметиста по-нашему? Наверное, стремно быть эрцогом в двадцать лет. Стремно и занудно.

В номере я, не раздеваясь и не включая свет, рухнул на кровать, с наслаждением потянулся и... скатился, выхватывая импульсник (дельного оружия, к сожалению, не было –

¹ Космический корабль межзвездного сообщения.

в увольнении не положено).

В дверь ударили. Она устояла. Еще секунда. Крутанул сальто и взлетел на косяк над входной дверью. (Слава вам, строители! Косяк – шириной почти в ладонь, а ведь его могло вообще не быть.)

В три погибели, но я уместился между косяком и потолком.

Дверь вывалилась. Не стреляли. Сначала вошел с фонарем один в светопоглощающем защитном костюме, весь как черная клякса, а следом ввалились четыре полиса.

Я швырнул взведенный на уничтожение импульсник в окно, а сам вылетел в дверь.

В окно со сто тринадцатого этажа я бы не смог – не птица. В лифт нельзя, но в конце коридора должен быть мусорный лифт. Он движется раз в сорок быстрее обычного, однако для космолетчика это не скорость, и я тут же взлетел (малость приплюснутый) на крышу гостиницы.

Набрал через браслет номер такси. Может, возьмет меня на крыше, если успеет? Похоже, успевало. Почему-то меня не стремились убрать из бытия вместе с гостиницей. Ну и к Хэду. Я хотел знать только одно: есть ли у полисов номер моего билета на корт?

Итак, я видел, что убивать меня не хотят. Ну задержат, ну допросят. Через сутки-другие удостоверятся, что я не эрцог. А я тем временем не попаду на корт, не смогу догнать свой корабль в доках, мне вставят в зад «дисциплинарное» и на

полгода лишат увольнений. Стоит ли из-за этого рисковать жизнью? А почему нет? Тем более по мне пока не стреляют.

Не успел я отдышаться, как заметил идущее на снижение такси-автоматичку. Сел в него. На крыше все еще пусто. Значит, местные полисы не круче военных. А может, фишка в том, что я сдавал экзамен по программе «Коммуникации и война в городе» меньше года назад, а они, может, вообще не сдавали. Нас же заставили ко всему прочему инструкции зубрить: что делает полиция в таких-то и таких-то случаях. В моем случае полиция обязана была отключить грузовые и пассажирские лифты. Отключить их можно в подвале. Допустим, дали сигнал тем, кто внизу. Но потом-то надо за мной на крышу подняться! Может, полисы сейчас стоят и мусорный лифт нюхают? Ну, мусор, к счастью, давно уже возят в запаянных пакетах.

Хотелось поболтаться на крыше, посмотреть – под силу ли полисам подняться на мусорном лифте, но рисковать я не стал. Это была так, минутная блажь.

В такси сбросил остатки адреналина и стал размышлять медленнее. Ну, допустим, ночь промотаюсь над городом. Мне не привыкать. Утром оцепят космопорт... Нет, не годится. Допустим, лечу в космопорт сейчас и на чем смогу валю куда угодно, а там пересаживаюсь на... Стоп, сколько у меня на кредитке? Опять не выходит.

Мой корт, прежде чем подойти к Карату, делает остановку у местной Луны-4, он отцепит там разгоночный блок и

часть двигателей. Корт выйдет из прокола через... через двенадцать часов. До Луны-4 примерно два часа лету на внутрисистемном рейсовом. У Карата восемнадцать лун, так что с рейсовыми проблемы быть не должно, уж что-то по времени да подойдет. Я лечу на Луну-4, жду там свой корт, доплачиваю и сажусь на него. Корт идет к Карату. Заправляется. Висит на орбите. Прилетающих никакой бандак проверять не будет. Отсиживаюсь на корабле и в город не выхожу. Таким образом, в списках вылетающих с Карата меня не будет.

Риск, конечно, в таком плане был, но другого я пока не придумал и полетел в космопорт.

Когда садился на рейсовый до Луны-4, у посадочных терминалов заметил какое-то странное движение. Ну и ладно. Проверять в первую очередь начнут вылетающих из системы, а не болтающихся внутри нее.

В общем, долетел я до Луны-4, убрал в туалете волосы под берет, покрасил губы и ресницы на манер мелкой звезды телледепов и довольно спокойно сел на свой корт, хотя вылетающих и здесь уже проверяли.

Я был почти доволен, когда вошел в общий салон корта и стал искать глазами свое посадочное место. Место мне досталось самое дешевое, но больше половины салона пустовало, а остановок больше не предвиделось. И я спокойно направился в элитную зону, где кресла поудобнее и проходы пошире.

И тут я увидел *его*.

Длинные светлые волосы, зеленые глаза, волевой рот... Правда, не такой смуглый, как я, но все-таки... В общем, я сразу понял, что это и есть эрцог. Дрянь земная! Вот же дрянь!

Корт ляжет на геостационарную орбиту через три часа, он не мелочь внутрисистемная, у него только разгон и торможение займут около часа. Этот похожий на меня парень выйдет и... Но ведь его не убьют, меня же не пытались убить? Стоп, это меня бы не убили, сдался я им.

Я прошел мимо эрцога и сел.

Он маячил на два кресла впереди. Я видел его затылок, такой беззащитный, мальчишеский. Вот ведь квэста Дадди патэра!

Поговорить в корте почти что негде – у каждого свое спальное место и место для сидения в общем салоне. Разве в кафе? Но как позвать туда эрцога?

И он, и я расположились на самых дорогих местах – удобное кресло, маленький столик, салфеточки... Эрцог экзотианец?

Я стал складывать из салфетки острую пирамидку, какие видел в ресторанах на Орисе. Башку можно сломать. Испортил три. Наконец вроде вышло. Если парень действительно экзотианец, он почувствует, как я нервничал, пока мастерил эту штуку.

Встал, прошел мимо него.

– Вы... урони... ли? – музыкальный, чувственный голос

эрцога звучал неуверенно, словно он запинался на каждом слове.

Я обернулся.

Эрцог вертел в руках мою пирамидку.

«Идите за мной, – думал я, потея от усилия. – За мной». –

Спасибо, – забирая салфетку, я коснулся его руки.

Парень вздрогнул. Понял или нет?

Через десять минут он подсел ко мне в кафе.

– В общем, у вас примерно три часа, чтобы решить, что делать, – закончил я свой монолог.

Эрцог слушал сначала удивленно, потом задумчиво.

– А ведь мы даже не знакомы, – сказал он, поднимая невозможно зеленые глаза. Экзотианец был красивее и утонченнее меня на порядок, но в целом мы и вправду оказались здорово похожи. – Если... вам будет удобно, я представлюсь как Энек. Это второе имя.

«Ого, – развеселился я. – Имперца возвели в ранг членов высокородной семьи».

Ответить на такое доверие мне было нечем, у простолюдинов двойные имена не в моде.

– Анджей.

(Вообще-то, мама с папой называли меня когда-то Агжеем, но Дюп переименовал на свой манер, и я привык.)

И тут же обозначился еще один повод для путаницы. Первое имя эрцога – Агжелин – было экзотианским вариантом моего!

Энек понимающе улыбнулся.

– Боюсь оскорбить... вас, предложив как-то компенсировать неудобства, которым... вы из-за меня подверглись. Но, возможно, вы примете подарок?

Эрцог снял с указательного пальца одно из старинных колец. Не такое, как сейчас, безо всех этих голонаворотов. Я не взял. Побоялся почувствовать себя хоть чем-то обязанным. – Что будете делать? – спросил, допивая коктейль.

– Не знаю. К несчастью, по условиям завещания, я здесь один – без свиты и охраны...

Эрцог ловко свернул из салфетки такую же пирамидку, с какой бился недавно я. Покрутил ее в тонких, едва тронутых золотом загара пальцах.

Я смотрел на него и понимал, что не хочу ему помогать. Я уже устал быть крутым. И вообще, когда говорю, что убивал и имел женщин, то немного... В общем, пока что это женщины меня имели, а убивал я... не в лицо. В космосе не очень-то видно, куда палишь.

Сейчас мне хотелось одного – поспать и к Дьюпу, чтобы рассказать хоть кому-то понимающему всю эту долбаную историю. А это я мог – только Дьюпу. Я же не виноват, что после академии меня сразу заткнули в действующую армию. Да если бы не Дьюп, добрые сослуживцы до сих пор устраивали бы мне боевые крещения, переходящие в издевательства.

Если бы этой ночью все было не так... Если бы я, как в плохом головидео, сиганул со сто тринадцатого этажа, пере-

бил полсотни полисов... Но я же простой парень, которого поставили вторым к лучшему стрелку северного крыла армады. Да, я не меньше, но и не больше.

И я поднялся, чтобы откланяться.

Но тут эрцог взглянул мне прямо в глаза... И я сел.

К Хэду, он же моложе меня, и не заканчивал военной академии, и драться, скорее всего, не умеет. (Аристократов учили чему-то там с кинжалами, но годится ли это в настоящей драке – я не знал.) И эрцог, похоже, тоже не знал. Он привык ездить с эскортом и охраной. Наверно, сейчас он чувствовал себя голым.

– Вы думаете, Анджей... – опустив глаза, спросил экзотинец, стыдясь, видимо, своего порыва, ведь он же почти попросил о помощи. – Вы думаете, когда они предложили вам эскорт...

Я не знал тогда, что Энека напрягала, скорее, лингвистика момента. Ледяные аристократы обращения на «вы» не употребляют совсем, и молодой эрцог с трудом подбирал необходимые в стандартном языке формы. Но и меня уже достало это выканье.

– Аг, – перебил я его. – Ты думаешь, Аг...

– Ты думаешь, – улыбнулся Энек с облегчением, – эскорт они предложили, чтобы захватить по-тихому?

– Мне так показалось, – я поднял два пальца, чтобы принесли еще коктейль. – Будь дело в беспорядках, действовали бы официально. Обратились бы через посла Экзотики, на-

пример. Ведь здесь же должен быть посол? – я взял бокал и пригубил.

Эрцог потер холеными пальцами виски.

– Как я сразу не сообразил? Но он может находиться сейчас на любой из лун. Да и планет у этой звезды хватает.

Пусть они почти не заселены... Беспамятные боги! Пока мы в полете, я даже позвонить не могу...

– У тебя сетевой планетарный? – с коммуникацией я мог помочь Энеку легко.

Эрцог достал дорогушую перенастраивающуюся модель. Стоила она... И тем не менее мое запястье охватывало устройство на порядок круче. Правда, досталось оно мне за госсчет. – Красивая вещь, – сказал я без сожаления и щелчком активировал спецбраслет. – В следующий раз бери что-нибудь из общих систем связи. Давай код.

Эрцог с уважением посмотрел на меня (не на браслет). Я ввел номер. Красненький огонек показывал, что вызов пошел... Но соединения не было даже с автостанцией. Номер блокировали.

Мы переглянулись.

– Вот и все, Аг, – сказал эрцог. – Теперь уже нет сомнений, что я влип.

Я задумался. До прилета оставалось всего ничего. Единственное – я-то в списке транзитных пассажиров, а эрцог – в списке прибывающих. Конечно, он там под псевдонимом или «коротким именем», он же не ташип.

Прибывающие сейчас мало волнуют полисов, но шанс, что эрцога «встретят», есть – по моей вине космопорт будет просто кишеть шпионами.

Я могу отдать ему свои документы. Кредитку тоже не жалко. За утерю личного номера мне будет... А что мне будет? А ничего, кроме порицания с занесением. Переживем. Ну, и выговор за спецбраслет.

Слава богам, я солдат. Мой отпечаток сетчатки, генетические данные и прочее не проставляются в визитной карте. В этом у меня не меньше свобод, чем у эрцога. Его данные – в доме Паска, мои – в ведомстве армады. Его схватят, а когда поймут, что это «не эрцог» – пошлют запрос. Капитан подтвердит, что я в увольнительной на Карате. Ну и чудненько. – Ничего, Энек, – сказал я. – Играем дальше. Ты должен научиться ругаться, как положено космолетчику, а мне небо должно послать немного удачи, чтобы корт со мной успел стартовать. Думаю, у нас получится. По случайности моих отпечатков в номере гостиницы не осталось, – я посмотрел на модные в этом сезоне полоски нанобраслетов (они окружают руку энергетической пленкой, оберегая хозяина от микробов, ну и от отпечатков тоже). – Да если и осталось что-то биологическое – с твоим точно не совпадет. Пусть считают, что там, в гостинице, действительно был некий эрцог, который смылся у них из-под носа. Неважно как. А ты – пилот. Первый год в армаде. Северное крыло, второй стрелок. Запомнил?

Энек кивнул. С памятью у них на Экзотике нормально. Даже более чем. Он мог запомнить с одного раза столько, сколько я учил бы месяц. Вот только загар...

– Это как раз просто, – улыбнулся эрцог, словно читая по глазам мои мысли. – Подберу тон – не отличишь.

Я снял спецбраслет и надел ему на запястье.

– Работает так: жмешь сюда и начинаешь ругаться. Повторяй: квэста Дадди...

Эрцог покраснел: он, видимо, был знаком с пайсаком.

Я засмеялся:

– Ну нет, не будешь ругаться – капрала возьмут сомнения, что я – это я. Он меня тоже любит предельно крепко и ничего не скажет капитану до рапорта. А к рапорту я успею. Ты не бойся, это будет даже весело. Только пилот – это тебе не аристократия. Пилоты выражаются проще. Повторяй: квэста Дадди патэра... Нет, даже так: капрал, квэста Дадди патэра, я не могу вылететь с Карата! Ну?

– Капрал, – пролепетал эрцог.

– Тверже, вот так: КАПРАЛ!

В общем, когда я вернулся на корабль в аккурат к рапорту, капрал выпучил глазки, словно глубоководная рыба, которая сейчас лопнет от декомпрессии.

Головойойку мне, разумеется, устроили, но до карцера не дошло. Сначала мы экстренно начали разгон, и я был нужен за пультом, потом поступили какие-то срочные приказы по армаде...

А через двое суток в наш адрес по долгой связи пришло сообщение из Северного управления посольствами Экзотики в мирах Империи, где меня возвеличили героем и прочая, прочая, прочая...

Благодарность капитан тоже объявлять не стал. Вахтенный рассказал, что, получив сообщение, кэп помолчал секунд десять, выругался, и на том все закончилось.

Через полгода, когда встали на очередную профилактику в доки, догнала меня и посылка от Энека. Он вернул почти все мои вещи, вложив в них «белую карту» – бессрочную гостевую визу, разрешающую посещение миров Экзотианской системы и ее подчинения. Сколько она стоила – не помню. Числительные больше миллиарда у меня еще со школы в голове путаются. Вот ты скажешь с ходу, что больше – септиллион или секстиллион? То-то.

Карту я продавать не стал, хоть и сидел тогда без денег. Она до сих пор лежит у меня как сувенир. Единственный. Мог бы сохраниться коммуникатор Энека, но я сбыл его прямо на корте. Кредитку-то эрцогу оставил.

Другие вещи и документы Энека я сдал на хранение на Депраде, где мы тогда стояли в доках. Кстати, на оплату камеры хранения и ушли почти все деньги за «трофейный» коммуникатор.

Так что, взяв в руки белую визу, я чувствовал себя одновременно и богачом, и нищим.

Дьюп хлопнул меня по спине, сказав, что оба мы дураки –

и я, и «мой» эрцог, и что он опознал бы имперца по одному выканью в трубку.

А до меня лишь спустя много лет дошло, какой дикой и фантастической была вся эта авантюра, и, наверное, только поэтому она закончилась так удачно.

А с Энеком мы больше не встретились. Началась война, надолго занявшая армаду. И, боюсь, одной из ее причин послужил неудачный визит молодого эрцога на политически неблагонадежный Карат.

История вторая

«Не спи – замерзнешь...»

Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.

Северные рубежи галактики

Мы уже две недели висели на северных границах зоны коротации рукава Ориона. И все две недели дежурства шли по полной выкладке: наводящий, шесть первых стрелков, шесть дублеров, каждые двадцать минут сигнал с двумя подтверждениями.

Стабильная зона рукава Ориона (или Шпоры Ориона) – это, в общем-то, и есть на данный момент вся галактика людей. Кусок звёздного бублика, протянувшийся, как принято считать, с севера на юг. Мы пока не можем выйти не то что из рукава Ориона, даже за пределы своего куска коротационного тора. Потому что только здесь скорость галактической ударной волны совпадает с орбитальной скоростью диска галактики. Это оберегает освоенные людьми планеты от молодых горячих звёзд, от потоков космических лучей, рентгеновского излучения, ультрафиолетовой радиации и других невкусных плюшек.

На юге Шпоры – скопление сверхновых делает навигацию слишком опасной, там человечеству трудно отвоёвывать у космоса новые земли, и больше идёт передел старого. А все

интересы, связанные с освоением новых планет, сосредоточены здесь, на севере.

И вот представь: война с экзотами уже дышит нам в спину, боевые дежурства – в полную нагрузку... И две недели проклятая хэдова тишина.

Сначала никто не знал, к чему такое зверство над личным составом, но потом стали постепенно просачиваться слухи, что, мол, в системе Ориона появились смэшники.

Смэшниками на армейском жаргоне называют эс-эм-разновидность разума.

Эс-эм – ситуативно-модифицирующий. Ну мы в школе так дразнились, помнишь? Эс-эм – разумный, да не совсем.

То есть эс-эм – полная имитация разума, внешнее следование любой логике поведения. И плюс полная имитация эмоций. Любых. Хотят сожрать параба – думают и чувствуют, как парабы. Временно. На момент охоты. Голый инстинкт, в общем-то, но без приборов отличить трудно.

Собственного разума в смэшниках – ни капли. Хищники. Говорят, когда-то на их планету сел космический корабль. Они симитировали поведение экипажа и вышли на охоту в космос. И у них получилось, потому что подражать смэшники могут чему угодно.

Управление кораблем они, например, воспроизводят до тонкостей. Встретив в пространстве другой корабль, если позволяет расстояние, читают мысли команды и внушают ей, что она – мясо. Если расстояние не позволяет, а внушать см-

эшники могут довольно ограниченно, считается, что на одну-две единицы, не более, просто выходят с жертвой на видеосвязь и зомбируют ее. Потом стыкуются с замороженным кораблем и начинают праздничный обед из многих блюд.

Съев всю команду, смэшники затягивают пояса потуже и снова отправляются на поиски. Наверное, их мечта (хотя вряд ли они умеют мечтать) – сесть на малоразвитую планету и обеспечить себя пропитанием на максимально долгий срок.

Только вот беда – даже самого простого автоматического контроля в космопорту ни одному смэшнику не пройти. Машину не заморочишь. Оттого мы и знаем теперь, что они собой представляют. Очень мерзкие на вид твари. По сути – мешки на четырех ножках, снабженные гигантским ртом.

Было, если не совру, шесть попыток смэшников высадиться на цивилизованные планеты, и каждый раз дело заканчивалось оцеплением космодрома и месячным карантином для попавших в зону их зрительного, акустического или мысленного влияния.

Поэтому на грунте смэшники для людей не особо опасны. Ну зомбируют пару-тройку тысяч двуногих, ну, может, даже кое-кого съедят. Другое дело в открытом космосе. Вот здесь десяток смэшников способен заморочить даже экипаж огромного корта, вошедшего в фазу торможения на подлете к планетной системе. И если для этого надо прикинуться гуманоидами – да пожалуйста!

Говорят, смэшники по всем тестам даже лучше гуманоидов, только... Ну, в общем, это не объяснишь. Они суперхамелеоны, что ли. И ни грамма разума. Вообще. Меньше, чем у мухи. Как только эти желудки на ножках в лабораториях ни проверяли.

Конечно, есть на кораблях автоконтроль связи и фильтры, позволяющие более-менее эффективно защитить экипаж от зрительного и звукового зомбирования, но вот от внушения на расстоянии ничего дельного придумать так и не смогли.

И в академии мы изучали смэшников, и раньше я слышал про них кое-что. А тут команду просто прорвало. Нас, кого помоложе, стрелки и палубные так застращали всякими жуткими историями, что в конце концов мне начало все это сниться. Ну и дежурства по полной выкладке. Две недели.

А потом заболел Дьюп (у него расконсервировалась черная лихорадка), и меня убрали на терминал, посадив в наш карман уже сработавшуюся пару.

Терминал – узел, почти бесполезный на корабле, этакий «крайний случай». Если разнесут навигаторскую и капитанский пульт, можно давать координаты наведения напрямую с терминала. Он расположен над реактором антивещества. Накроет – отстреливаться будет некому. И вообще, когда стреляют, на терминале жарко. Изоляция на основе пузырьков кермита не спасает.

В общем, терминал – большой, но малополезный в обычном бою дубль. И дежурный сидит там один. На всякий слу-

чай.

Ну, и подтверждение.

Заведено в армаде, что любая команда по традиции идет через терминал. И терминал – самый мелкий юнга, который последним говорит «есть».

Например, навигатор командует: «Переключиться на двигатели высокого ускорения». Машинный отсек отзывается: «Есть переключиться!» И дежурный на терминале тоже нажимает свою кнопку: «Переключение подтверждаю».

«Черный ящик» на терминале, разумеется, тоже пишет. И журнал бортовой, кстати, не капитан заполняет, а дежурные терминала по традиции от руки калякают, уж у кого какой почерк.

Дьюп лежал в изоляторе. Я по ночам смотрел кошмары про смэшников и регулярно заступал в свою смену на терминал. Там, поскольку запоминающихся событий не было, играл с компьютером в трехмерные шашки и вписывал «без происшествий» в бортовой журнал.

А парни, пользуясь болезнью Дьюпа, все подначивали меня. Мол, просыпается один новичок утром: весь корабль – переодетые смэшники. А он, соня, просто проспал сближение.

В столовой вчера один «старичок» из наладчиков в красках расписывал, как дежурному небольшой пассажирской эмки по дальней связи отсигналил рейсовый корабль. Дурак дежурный дождался сближения, вышел на видеосвязь и уви-

дел на корте свою маму, которая слезно просила сына принять медицинский транспорт с больным папочкой. Смэшники «маму» воссоздали до мелочей.

В результате патрульные нашли брошенную эмку, лишенную белка абсолютно, даже землю в оранжерее смэшники сожрали, а у биороботов объели весь сервомеханизм.

Отсел я подальше от этого бандака. Урод, эпитэ а матэ. К Хэду его.

Да плюс сны эти.

В общем, не в очень хорошем настроении я на вахту в очередной раз заступил. Ну и, чтобы успокоиться, стал играть с бортовым компьютером в шашки.

Восемь раз он меня сделал... Наконец, я вроде начал выигрывать. Что-то внутри уже было запело...

И тут сигнал прошел по общей связи.

Сигналил «Парус». Мы с ним часто бываем вместе на разных операциях. Расстояние между нами по какой-то причине сократилось. Может, в навигаторской комп глюканул, а может, излучение какое боком задело или гравитационная аномалия. Ну и вахты корабельные тут же языками зацепились.

С «Паруса» начали что-то заливать нашим... Я отвлекся от шашек на секунду. Ход, конечно, не продумал, и комп, скотина, тут же меня обыграл.

Кто бы на моем месте не разозлился и не отключил связь минуты на две? Ну я и отключил. Сейчас, думаю, обставлю

кретина – включу. Все равно до подтверждения сигнала по армаде восемнадцать минут, а в работе корабля мой пульт – пятая нога у хускуфа (у которого вообще никаких ног нет).

Наши о чем-то чирикали с вахтой «Паруса», оно и понятно – третья неделя по полной выкладке, мозги уже у всех заржавели. А мне сильно выиграть хотелось. Я и сыграл. И проиграл, ясное дело. И еще раз сыграл со злости.

А потом поднял морду, гляжу – «Парус» швартуется! А у меня зеленый на переговорнике мигает, что только не лопнет.

Включаю связь. С техвахты ехидненько в «ухо»:

– Третий раз говорю – давай подтверждение, что швартуемся! Ты что, малой, уснул, и смэшники приснились?

Вот уроды, кшена патэра. Разыграли!

Понятно, что я год в армаде и два месяца на рейде, но надо же пределы какие-то для издевательств иметь!

Наверное, наш вахтенный увидел, что я отключился, договорился с вахтой «Паруса» и решил меня капитально подставить, чтобы я приказ о швартовке подтвердил и в журнал внес.

Ну я же не бандак. Я ему (кажется, это Вессер был) культурненько говорю:

– Вас понял, вахтенный, – делаю паузу, нажимаю кнопку связи с пультом навигатора, но и техсвязь оставляю нажатой, чтобы слышал, гад. – Терминал – навигатору. Подтвердите приказ о швартовке!

Ща, – думаю, – навигатор этим шутникам.

И вдруг:

– Вы что там, уснули на терминале?!

Я обалдел, но только на секунду.

Вахтенный, судя по голосу, был если не Вессер, то Веймс, все равно из самых старичков. С них стало бы замкнуть сигнал с терминала на вахту. А уж голосом навигатора писклявым на нижней палубе только ленивый не вещал.

Ах ты, – думаю, – собака ядовитая! Уснули, говоришь? Сейчас я тебе устрою подтверждение сладкого сна. От корабля ты меня можешь отключить, но я, в отличие от тебя, имею выход на армаду! И пусть потом будет скандал! Пусть мне потом тоже дисциплинарное влепят! Но и тебе влепят! Я уж постараюсь!

В общем, устал я в те дни сильно.

Теоретически в боевой обстановке дежурный на терминале имеет право, получив неясный приказ, обратиться к командующему крыла армады напрямую. В уставе это есть. Может, так вообще никто никогда не делал, но в уставе есть же. И кнопка есть. Ну я и нажал.

Мне ответил нервный такой голос. Я уже струсил, но говорю по инерции: так, мол, и так, получил приказ швартоваться с «Парусом», жду подтверждения.

И пауза длинная-длинная. А потом генерал как заорет! У меня правое ухо заложило почти.

– Это терминал «Аиста»?! Ни в коем случае подтвержде-

ния не давайте! Не смейте, дежурный, вы меня слышите?

– Слышу, – говорю. – Подтверждения не давать. – А сам палец под шлем просунул и ухо массирую – больно, зараза. Ну и голос у меня, наверное, от боли неуверенный стал, потому что комкрыла еще громче орать начал.

– Сможете?! – кричит вообще уже не по уставу.

Я растерялся:

– А чё, – говорю, – мочь? Не давать – так не давать.

Только тут мне по-настоящему страшно стало, что я к самому генералу! Даже палец вытащил, хоть ухо и ломило здорово.

А он волнуется, уговаривает, что, мол, надо держаться, мальчик, подтверждения нельзя давать ни в коем случае. Что он меня к поощрению...

Я совсем завис.

Потом вижу на экране две новые точки. С двух сторон от «Паруса». По сигналу – наши. И как тряханет...

Когда я в сознание пришел, то понял – «Парус» соседние корабли в клещи между отражателями взяли и с минимального расстояния как дали ему! Ну и нам досталось. Щит-то противоударный активировать уже никто не мог, вся команда была заморочена смэшниками...

Так и не выяснили тогда, каким способом смэшники пробрались на «Парус». Команду они подчистую выели и за нас взялись. Весь личный состав «Аиста» был уже как бы под гипнозом. Консервация называется. Живые биоконсервы –

жрать и спать. И из этого состояния тебя потом с месяц вытаскивать приходится, еще не каждый отходит. Слава Беспмятным богам, у нас всех расконсервировали.

Комкрыла сразу понял, что происходит. А до меня только спустя два часа в полном объеме дошло, когда выяснилось, что с вахты сменить некому и надо в одиночку швартовать две бригады медиков.

Зато Дьюпа с его лихорадкой медики из главного госпиталя за два дня на ноги поставили. И стало мне с кем в трехмерные шашки играть. Мы ведь тогда месяц не боевой корабль были, а корабль-лазарет – весь экипаж в карантине.

Дьюп меня основательно поднатаскал. Я, может, и обыграл бы его хоть раз, но комиссия все нервы вытянула. На предмет, почему смэшники меня не зомбировали. Весь месяц мучили – то один тест, то другой... Ничего не нашли. Не мог же я признаться, что связь отключил.

А поощрение генерал записал, не обманул.

История третья

«Четыре звездолета не в масть...»

Из дневниковых записей пилота Агжсея Верена.

Пояс Гампсона, развязка у Порт-Эрде

Форпост. Отсиживаем задницы. Приграничная полоса между мирами Империи и Экзотики. Самое начало войны. Вернее, момент, когда почти никто не верит, что война уже началась.

Две тысячи лет людям нечего было делить в освоенном космосе.

Кроме тридцатилетней войны с хаттами, в учебнике по истории локальных конфликтов описаны всего две короткие кампании – эскгамская и в районе Луны Бхайма.

Нет, существуют, конечно, проблемы внутреннего плана, тот же Э-лай, кипящий приграничными стычками. Но вся наша история взаимоотношений с мирами Экзотики – история политическая.

А если учесть, что использование многих видов оружия тысячелетия запрещено эдиктами и мораториями, то нам по большому счету, просто нечем серьезно воевать.

Я бы сказал, что и незачем: имперцы и экзотианцы – потомки землян, все остальное гнилая пропаганда.

Но пропаганда свое дело знает.

Пока сам не побывал на планетах экзотианского подчинения, тоже верил слухам о том, что средний экзот – неуравновешенный псих с битыми генами.

Точно так же и они верят, наверное, что креативность интеллекта среднего имперца равна двум единицам по таблицам Рихтера. То есть писать и считать в Империи обучают, но... два яблока на двоих мы разделить еще можем, а два ботинка – уже нет, вдруг они на разную ногу.

Я и сам скоро поверю, что с мозгами у соплеменников не все ладно. Последние широкие соцопросы утверждают: каждый третий житель миров имперского подчинения не знает, что Млечный Путь – просто галактика, где мы живем.

И все-таки различия между имперцами и экзотианцами не так велики, чтобы воевать, и это на корабле чувствуют все.

Начальство психует: проверки внешнего вида и боевой готовности следуют не по графику, а как Хэд на душу положит.

Говорят, капитан с утра наливается по самые гланды, отчего глаза его обзавелись синими кругами и по-особенному так выпяливаются. Видимо, мозги давят на них в эти моменты с удвоенной силой...

Правда, Дюп считает, что кэп просто мало спит.

Однако и навигатор заперся в каюте! Делает вид, что болен. В отличие от капитана, он на люди пьяным не показывается.

Старички корабельные травят, будто не только на нашем

КК² капитан и навигатор квасят. И мы злимся. Нам пить нельзя. Условия пока не боевые, а значит, спиртного – ёк.

На дежурстве личный состав одолевает дремота, потому что в свободное время все режутся в вахреж, захватывая и часы сна.

Вахреж – замудренная, но азартная гаросская игра. Вся беда, что разыгрывается она медленно, а бросать потом жалко. Пока был рядом Дьюп, я и не играл вовсе. То есть почти не играл.

Но потом Дьюпа и еще четырех стрелков с нашего «Аиста» вызвали в штаб армады. Будь я в паре с кем-то другим, меня бы тоже вызвали, показатели у меня стабильно растут. Но считается, что мы из одной пары, а Дьюп – старший.

Я не в обиде, все равно его дальше штаба без меня не пошлют. Просто, будь рядом Дьюп, он бы сумел объяснить мне, какая это азартная игра – вахреж.

Но напарника продержали в штабе неделю. Как потом выяснилось, чтобы не допустить утечки информации. И заняться мне, кроме вахрежа, было просто нечем.

Вахреж похож сразу и на кости, и на карты. В наборе специальный кубик, колода. Мастей две – «армада» и «галактика». Шестнадцать стрелков равны четырем звездолетам или армаде, а шестнадцать планет – четырем звездам или одной галактике.

² Космический корабль.

Еще есть карты «бога и промысла» – четыре вестника, два ангела и бог войны; карты «денег» – пять сундуков; карты «ярости и боевого духа» – три пламенные речи; карты «страстей» – бабы, деньги и наркотики, всех по паре. Причем к картам «страстей» для верности надо прикупать карты «бога и промысла». Ну, там много тонкостей.

Да, еще четыре джокера.

Игра начинается с раздачи. Затем нужно меняться картами. Сколько игроков – столько мен. Причем меняются, не зная соперников. После все по очереди зажимают в кулаке кубик, и в зависимости от состояния нервов играющих кубик и карты в их руках меняют цвет. Одни игроки оказываются представляющими условно «нашу» армаду, другие – армаду «чужих», в нашей колоде – хаттов.

Магазинный компьютерный кубик тупо разделит компанию на две команды. Но настоящий каменный, с копей Гароссы, распределит игроков, повинаясь самым тонким излучениям психики: вы поругались за ужином – и вот вы уже враги!

Мы, конечно, легко обманывали потом этот чувствительный камень, но поначалу было забавно узнать, кто к кому в экипаже неровно дышит.

Ну а дальше все просто. Кто ходит, кидает кубик и в соответствии с выпавшими символами выбрасывает карты. Принимать нельзя, но можно передвигать недобитых своим игрокам.

Отбитые правильно карты меркнут, и смухлевать в вахреже практически невозможно. Зато комбинаций тысячи. Чтобы спланировать игру, нужно иметь мозги объемом с корабль.

Выигрывают в вахреж или прирожденные стратеги, или полные идиоты (их ходы просчитать нельзя).

Я не был ни тем, ни другим и стабильно проигрывал. До определенного момента я мог удерживать возможные комбинации в голове, но через два-три десятка ходов все так запутывалось...

Но я играл, потому что Веймсу прислали шикарную колоду и настоящий гаросский кубик. Такой кубик даже в руках подержать приятно. На ощупь он теплый и... не передашь – живой словно. Ну, и сами рисунки на картах завораживали – мастерская работа.

Играли на символические суммы, но и это было тогда для меня много. (Свое полугодовое жалованье я вложил в одно рискованное предприятие.) И к концу недели играть мне стало не на что. Сел «в последний раз», расслабился оттого, что денег нет, и вдруг... выиграл. А потом еще раз. А потом вообще выиграл не на круг со своей командой, а один, когда все «свои» уже вылетели. И я понял, что научился. Вернее, в башке что-то щелкнуло таким образом, что я начал понимать стратегию.

Ну и понятно, что играть со мной стало теперь гораздо интересней. Старички – Веймс, Кэроль и иже с ними, что

поначалу посмеивались, — стали все чаще звать в игру и даже подсаживались теперь в столовой, чтобы перекинуться парой фраз. Обычно я ел один даже в отсутствии напарника, Дьюп вызывал у большинства пилотов исключительно стойкую оторопь.

И... кому — не помню, но пришла в чью-то больную голову красивая мысль: разделить личный состав и службу верхней палубы на «своих» и «чужих» и устроить что-то вроде чемпионата по вахрежу. А кто победит — сразиться с нижней палубой. Там, говорили, настройщики тоже всюю играют в вахреж.

Ну мы и схлестнулись.

Настоящая гаросская колода была одна, а потому играть пришлось четверо на четверо. И пока одна «своя» четверка играла, полпалубы болело за нее, а вторая половина крысилась.

Счет вели не только по победам, но и по количеству захваченных галактик. В конце концов в финал вышла-таки наша четверка — я, Вэймс, Кэроль и Ламас. И тем же вечером мы направили зашифрованную петицию на нижнюю палубу. Могли бы через настройщиков передать, но больно тихо всю эту неделю вело себя начальство, ребята и оборзели.

На нижней палубе такого отбора, как у нас, конечно, не было, но техники посовещались и сообщили, что выставят четырех своих.

Играть решили по «грязной» связи, так называют на ар-

мейском жаргоне внутреннюю связь корабля. «Грязная» она потому, что в любой момент в нее могут просочиться капитан или навигатор.

Однако вариантов больше не нашлось. Наша верхняя оружейная палуба практически не соприкасается с технической, где живет обслуга двигателей. Мы вниз вообще не спускаемся, к нам свободно поднимаются только настройщики. Для остального техперсонала вход «наверх» – по пропуску. Предполагается, что стрелки для технарей – вроде небожителей, но на деле от нижней палубы зависит так много, что отношения между «верхом» и «низом» сугубо дружеские. И обеим палубам за нарушение субординации регулярно влетает.

Правила обсуждали долго. Наконец договорились, что играть будем сразу двумя колодами, кидая два одинаковых электронных кубика (второго гаросского просто не было) по разные стороны экрана. А за условно «отбитыми» картами будут следить специально выбранные парни. (Без соприкосновения карты не меркли, и появлялась возможность стянуть что-нибудь из отбоя.)

Ночь перед решающей игрой я спал плохо. Все время снилась какая-то обрывочная хрень без начала и конца.

А утром выяснилось, что вернулся Дюп.

Вернее, я еще ночью, сквозь сон отметил, как его плечистая тень шлюзанула по нашей общей с ним каюте и осела, булькая, в душе. Но в полном объеме до меня это дошло только после сигнала «подъем».

Мы обнялись, и тут же загромыхал по громкой связи экстренный приказ: «Уродов за пульта».

«Уроды» на корабельном жаргоне – стрелки основного состава. В обычное время основной, сменный и два дежурных состава отсиживают «боевые» по графику, но любой приказ по армаде – и основной шагом марш за пульт, даже если ты пять минут как сменился.

Мы с Дьюпом – уроды. Новичков в основной состав ставят редко, но психологи посчитали, что моя нервная система выдержит. Ну она и выдерживает почему-то.

В общем, мы, не жрамши, разумеется, взлетели в оружейный карман, защелкнулись в креслах. Вернее, я защелкнулся, а Дьюп напузырник надевать не стал, только всунул бритую башку в шлем.

Динамики голосом капитана объявили вторую степень готовности и заткнулись.

Время поползло. Даже поболтать было нельзя.

Дьюп полулежал в кресле и что-то жевал. Он так и полсуток мог пролежать. Меня же сильно клонило в сон. А в голове крутились обрывки последней игры в вахреж, когда Ахмал Ахеш, вылупившийся из той же академии, что и я, но годом раньше, бунт поднять хотел: мол, почему мне, новичку, можно в чемпионате играть, а остальных новичков даже в отбор брать не стали.

Ну мы и сыграли с молокососами один раз, чтобы неповадно им было.

Только карты раздали и мены сделали, Ахеш выкладывает хаттского стрелка, а сам зубы скалит, радостный такой. Я делаю грустное лицо и передвигаю Веймсу. Тот, зная по менам, что у меня два звездолета точно на руках, двигает Ламасу: бить, мол, нечем. А Фатамаст, ну, молодой, что с Ахешем, обрадовался и подкладывает ему еще. А у Ламаса – джокер и звездолет. И у меня два. Ну и: апрама-кунта-саган. То есть, если с гаросского переводить, четыре звездолета быют шестнадцать стрелков или одну галактику.

Вот так мы с ними тогда сыграли.

Карты круг обошли? Обошли. Вот вам и четыре звездолета. И спать, мальчики. А мы – уроды, нам приказ по армаде и за пультом сидеть. И вот я сижу, а Ахеш жрет.

И тут Дьюп щелкает напузырником и мя-ягко так выводит пульт в боевой режим. Мои руки все повторяют за его руками. Хотя я и приказа не слышал, прозевал, и на экране пока ничего не вижу.

Зато чувствую, как пневмонасос заработал, и мы капсулироваться начали. Это-то, думаю, зачем? Мы что, катапультироваться сейчас будем? И тут же слышу в наушниках: «Первым пилотам: готовность один, принять управление».

Ого, думаю, жестковато пошло. Значит, точно нашу капсулу-двойку сейчас от корабля отстрелят. Дьюп будет летать, а я палить.

На пульте загорелось «Готовность к автономному режиму». Двигатели зашумели... Да что же это делается-то?

Я посмотрел на Дьюпа. Тот улыбался чему-то своему.

Мне болтаться в автономном режиме в боевых условиях еще не приходилось, но я знал, что справлюсь, если надо...

И тут мы вылетели из корабля, как пробка из бутылки.

Одни, интересно, или всех так? Я раньше полагал, что десантируются пилоты зачем-то и куда-то, а нас, выходит, просто выпнули, и лети куда хочешь?

В левом углу экрана прорезался чужой сигнал. Синенький.

Синяя точка – это вообще страшно. Это значит, что корабль прет на вас просто гигантский. Даже не корабль в общепринятом смысле, а летучий арсенал или искусственная планета-крепость.

Наверно, морда у меня побелела.

– А ну без дрейфа, – сказал Дьюп.

– А что мы можем? Мы же как пчелы вокруг него!

Теперь можно было говорить свободно, «Аист» слышал нас, только если мы специально включали связь, потому я и выпалил, что думал. А сам лихорадочно искал своих. Насчитал четыре двойки с нашего «Аиста» и дюжины три – с других кораблей крыла.

– Ты пчел только на картинке видел? – безмятежно улыбаясь, спросил Дьюп, прекрасно знавший, что родом я с планеты-фермы и уж пчел-то видел побольше кого другого. – Да он мощнее нас на порядок! Он не то что в двойку – в корабль попадет – никакие отражатели не спасут!

– Вот корабли и отошли от греха. Зато мы уже в мертвой зоне. Ему за зад себя укусить проще, чем нас достать.

– А почему не стреляем?

– Приказа никто не давал, вот и не стреляем.

– Дьюп, пусть я дурак, но ты бы объяснил, пока тихо?

Напарник расстегнулся и стал шарить по карманам.

– А чего тут объяснять? Стоит им по нашим кораблям огонь открыть, как двойки им все коммуникации срежут. Да и уязвимые точки в броне мы с такого расстояния найдем. И они это поняли. Так что, Аг, не будет никакого приказа. Повисим у экзотов под брюхом, пока командующие договорятся, и домой пойдем. Жрать хочется, сил нет. Вот, галеты с собой взял, хочешь?

Я хотел.

Проглотив последний солоноватый кубик, я пробормотал:

– Апрама-кунта-саган.

– Чего? – переспросил Дьюп.

– Четыре звездолета, – пояснил я. – Бьют одну галактику.

И пересказал ему нашу последнюю игру в вахреж.

– Ну да, – подумав, кивнул Дьюп. – Только пока вы кубики кидали, мы головы ломали, как бы нас эта летучая крепость на колбасу не пустила. Каждому – свое, в общем-то.

Сроду не было мне так стыдно. Даже если бы нас капитан застукал или навигатор, вряд ли я так замутился бы. Другое дело – Дьюп.

Больше я в вахреж не играл, сколько ни просили. Война –

не игра, другие головоломки решать надо было. А когда башка вахрежем занята, в реальности болтаешься, как куренок.

История четвертая

Вилы

Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.

Дельта Змееносца

Проснулся – все тело ломит. Вчера тот еще день был. Или не вчера, а позавчера уже?

По сигналу подскочили ночью, и началось. Я в туалете сидел, собственно. Там и понял, откуда у Дюпа такая хорошая привычка – ходить в туалет *до* того, как дадут подъем. Он его, заразу, чувствует!

Одеваясь, я злобно размышлял: ну почему нельзя включать сирену не в тот момент, когда экзотианцы *уже* начали стрелять? На хрена нам тогда разведка нужна?

Практически непрерывная стрельба по флуктуирующим целям – сама по себе тяжелая нагрузка. А у нас – то ли перегрузило отражатель, то ли он сам полетел: корабль просел набок, и после каждого выстрела мы из п/к³ едва не взлетали.

Вернее, это я взлетал. Дюп сумел развалиться так, что его не выбрасывало. Мне пришлось долго перераспределять вес тела в поисках подходящей позы.

Ремни не спасали, но не включать же противоперегрузочное слияние с ложементом, и без того руки начали неметь,

³ Противоперегрузочные кресла.

как при предельных скоростях.

Потом соседний отсек разгерметизировался, наш карман автоматически перекрыло, кондиционер сдох, и мы начали жариться заживо...

Дьюп спал. Дьюпу вчера всяко разное досталось больше, чем мне. Я не хотел его будить, потому лежал тихо и ругался молча.

Может, поразмышлять о чем-нибудь? Но о чем? Перестрелка с экзотианцами закончилась, как и не начиналась. Мы в очередной раз попытались заполнить энергией вакуум. Но вакуум большой. Беспредельно. Если начальство не верит – я могу подтвердить. В итоге экзотианские корабли отошли «на заранее подготовленные позиции». Мы остались на условно нейтральной территории, где и стояли. Фигня, в общем.

Я потянулся за фреймбуком, выключил предварительно звук, а потом уже развернул экран. От нечего делать стал перечитывать свою писанину. Е-мое...

Нет, конечно, если дать Веймсу или Каролу, то ржать они будут. А дай гражданскому какому-нибудь, так он разве что вежливый попадетсЯ. Потому что... Ну ничего же вообще не понятно. Где мы находимся, что делаем? Если бы я хоть даты, что ли, записывал, а так... И вообще, восемь месяцев прошло, как последний рассказ написал, а уже глупость моя отовсюду торчит, как на свежеебритой голове – уши.

Такое ощущение, что я ничего не знаю или мне на все пле-

вать. Надо бы писать подробнее, что ли?

Во-первых, уже триста двадцать два дня идет война. (Стандартный год – 400 дней – десять месяцев – сорок недель.) Война идет потому, что наше любимое правительство официально выразило претензии по спорным территориям правительству миров Экзотики. До этого все кипели невыраженными претензиями.

Что dokonало нас – не знаю. Экзотианские дэпы пишут, что последней каплей стала серия вооруженных мятежей на сырьевых мирах, добывающих графит, титан и железо. Но чье правительство все это срежиссировало – они не пишут. Тем более что пояс Гампсона, где сконцентрированы сырьевые планеты, как раз граничит с центральной частью миров Экзотики. Давнишняя, в общем-то, спорная территория. Особенно для любителей воевать. А без графита и титана – не повоюешь...

Лично я мог бы совсем не лезть в эту войну.

Я родился на маленькой аграрной планете. Но всю жизнь таскать навоз мне почему-то не улыбнулось. И когда выдали результаты тестов предварительной зрелости, я сразу послал документы в академию армады. Если с моими физическими данными не в армаду – то только навоз. У меня идеальное здоровье (было девять лет назад), идеальная стрессоустойчивость (тоже, наверное, была). Вот так вышло: или сам на мясо, или... Но в армаде, кажется, все-таки интереснее. По крайней мере, я успел на Экзотике побывать, пока эта каша

не заварилась...

Проснулся Дьюп. Неужели я его разбудил? Он рывком сел на кровати, уже ноги спустил, но передумал и начал тереть виски. У него бывает от перенапряжения. А может, наоборот, башку заломило оттого, что сегодня до неприличия тихо?

Я свернул фрейм и пошел в санузел. Потом решил сделать зарядку. Два раза присел, и захотелось прилечь. Разозлился на себя, стал отжиматься.

– Вилы, – вместо приветствия сказал Дьюп.

Слово было незнакомое. Переспрашивать я пока не стал. Вилы – так вилы. Может, это болезнь такая или состояние после полуторасуточного обстрела? Тридцать часов за пультом. Потому что весь сменный состав латал вместе с техниками и палубными дыры в силовых щитах корабля. А у нас с Дьюпом вообще сейчас сменщиков не было. Три резервные двойки, в том числе и нашу, забрали на соседний корабль. Это мне Дьюп разрешал пару раз вздремнуть вчера, а сам, когда прошел отбой боевой ситуации, еще и в общий зал ходил. Чего они там обсуждали – не знаю. Я, лично, где упал, там и уснул. Хорошо уже, что мимо кровати не лег.

Вообще Дьюп вхож на корабле куда угодно, он даже член армейского профсоюза. За это его кое-кто в команде не выносит, но Дьюпу плевать. Ему, по-моему, на все плевать. Да и чего ему заморачиваться? Семьи у него, кажется, нет, родных – тоже. Хотя я очень мало про него знаю.

Дьюп, наконец, перестал тереть голову, и взгляд у него стал более осмысленным.

– Что значит вилы? – спросил я все-таки, падая пузом на пластик и прикидывая, сколько дать себе отдохнуть между подходами.

– То и значит. Экзотианцам нужно было отжать нас к Дельте Змееносца, и они будут отжимать.

Я ничего не понял, поднялся и стал умильно, по-собачьи смотреть на Дьюпа, сделав глупую морду и задрав вверх брови, как делал наш домашний пес.

Напарник фыркнул, наконец.

– Надо тебе это, Анджей?

Я последнее время стал задавать ему вопросы, каких раньше не задавал. Не волновали они меня. Сам не понимаю, что такого со мной случилось, но по студенческой еще привычке быстро нашел отмазку.

– Мне, вообще-то, в конце года стратегию сдавать. Или, ты думаешь, из-за войны отменяют?

– Могут и отменить, – Дьюп потер надбровья. – Ты в шахматы умеешь играть?

Я даже слова такого не слышал. Да он и знал все мои игры. Я во всё играл, во что на корабле играли, а Дьюп со мной – только в пространственные шашки.

– Набери в системе, – сказал он и налил воды из кулера. Дьюп принципиально пил только воду. Ни чай, ни кофе его не вставляли. А нет, еще на Экзотике дрянь какую-то пил.

Не алкоголь, а типа напитка тамошнего. Мне не понравилось – горько.

Я вывел на экран общей связи трехмерную доску вроде шашечной, только вместо шашечек наличествовали адмиралы и звездолеты, а само поле украшали астероидные пояса, пульсары и магнитные аномалии.

– Интересная, наверно, игра?

– Обычная. На ней лучше объяснять, чем по карте.

Он быстро раскидал по доске фигурки.

– Вот – наши звездолеты, вот – экзотианские. Вот – их резерв и ремонтная база. Вот их схема сообщения...

На экране загорались все новые символы, изменялись условные созвездия, и скоро я начал узнавать местность. Дьюп работал быстро, похоже, он умел играть в эту игру. Надо будет научиться, раз от нее даже польза есть.

– Все узнал?

– Ну... вроде.

– Спрашивай.

– Откуда ты знаешь, что госпиталь у них в третьем... кубике? Он вчера восточнее был и ближе. Вот тут примерно, – я ткнул пальцем.

– Разведчики сказали, что госпиталь переместился. Я полагаю, сюда. Так он лучше защищен.

– Значит, вчера они собирались нас дожимать, чтобы мы вот в эту вилку попали? Между пульсаром и Змееносцем? – и тут до меня дошло: вилка – ви́лы. Был такой древний сель-

скохозяйственный инструмент. – И обстрел прекращать не собирались?

– Нет.

– Тогда почему? Может, переговоры на уровне высшего командования? Или к ним какая-то шишка летит?

– Я бы и сам хотел знать. В любом случае обстрел скоро продолжат. – Дьюп достал полотенца. – Отдыхай, пока можно.

И я стал продолжать свой «отдых». И так уже весь мокрый был, но решил, пока Дьюп из ванной не выйдет, буду отдыхать. Еще 182 раза отжаться успел, с передышками. Потом тоже помылся.

У Дьюпа болела голова, он морщился, листал новостные каналы и разговаривать больше совсем не хотел.

Интересно, в нашем кармане систему охлаждения починили?

Я решил маленько пройтись.

У лифта наткнулся на чужого капитана, судя по нашивкам – из южного крыла армады. Ближний свет. Север и юг в галактике понятия, конечно, условные. Но передвигаться в космосе труднее всего именно вдоль освоенного нами рукава Млечного Пути. Потому и образовалось такое деление – Север, Центр, Юг.

Я отсалютовал южанину и вспомнил про жрать. Кто-то умный динамики громкой связи выкрутил до минимума, так что я про столовую и забыл, пока в желудке не просвистело.

Или громкая связь у нас вчера во время обстрела умерла?

И Дьюп ведь голодный. Надо же было так наломаться, чтобы про жратву забыть. Хотя, может, дело в том, что он мне пару раз прямо в кресле колол что-то. И себе колол. И есть не хотелось совсем.

Я решил, что сначала схожу в столовую на разведку.

Сходил. И поел. И даже сыграл кона два с Каролом и Веймсом в пасет. (Игра такая карточная.) Потом вспомнил, что Дьюп голодный сидит, и играть резко расхотелось. Ему сейчас не напомним, он и не поест.

Взял я кое-что из столовой, пошел в каюту.

Дьюп был неожиданно сосредоточен и одет в парадное. Это было так ненормально, что я встал столбом на пороге. – Меня в южное крыло переводят, – сказал он.

Я открыл рот и закрыл. Что я мог сказать? «А я?! А меня?!»

Дьюп вздохнул. Глаза у него были грустные и совсем больные. После вчерашнего, наверно?

– Знаешь, где сейчас «южные» стоят?

Я знал очень примерно, но он не стал меня мучить.

– Абэсверт. Границы «Белого блеска». – Знакомое название он произнес с чужим гортанным акцентом.

– Ну и что? – не выдержал я, понимая: то, где стоят эти южные, как-то должно влиять на перевод Дьюпа.

– Там другая война. На Севере вряд ли зайдет дальше противостояния кораблей. В районе пояса Гампсона всего

две действительно опасные развязки. Постреляете год-два и успокоитесь. Я тебе даже говорить не хочу, что в это время будет твориться на Юге. Ты... – он не находил слов.

– Опять молодой еще, да? – выдохнул я, и зубы сами собой сжались. И вообще как-то нехорошо сразу стало.

– Ты не понимаешь, Аг... – Дьюп подошел ко мне и хотел обнять, но я отстранился, и пакет с завтраком, который я ему нес, упал. – Там... там корабли стреляют по планетам. На грунте мародеры – и свои, и чужие, карательные операции. Там людей вдоль дорог вешают тысячами. Ты бы видел эти дороги. Но тебе такого лучше вообще не...

Я молчал. Так молчал, что он тоже заткнулся. Я знал: если скажу сейчас что-нибудь, то не выдержу. В горле щипало.

Дьюп обнял-таки меня и решительно отодвинул от двери. Я был выше, но он сильнее. Он почти что приподнял меня и отодвинул.

Я стоял в дверях и смотрел, как он уходит. Но на самом деле – я умер. Какой-то кусок меня уходил вместе с Дьюпом, и я без него не мог уже ни двигаться, ни жить.

На полуслове включилась громкая связь, но я не слышал приказа. Я вообще толком ничего не видел и не слышал, потому что он уже скрылся за поворотом, и кругом были только белые переборки. И я смотрел на них, пока они не оплавились и не потекли.

Дьюп верно сказал, стрелять экзотианцы продолжили в этот же день.

Я сидел на месте первого стрелка рядом с Джи Архом, которого прислали из пополнения. График боевых дежурств мне поменять не успели, и парень попал с бала под обстрел.

Руки нажимали какие-то кнопки, скользили по гелиопластике пульта, а в голове вертелось всего несколько фраз. Я перекраивал их и так, и эдак, чтобы рапорт мой звучал как можно убедительнее. «Прошу перевести меня...» «Убедительно прошу командировать меня...»

– Третья! Вест-вест-надир, – скомандовал навигатор. Корабль изменил ось вращения, и на линию огня вышел третий огневой карман.

– Джи, готовность, – прошептал я. – Мы – следующие.

– Щит! Семнадцать окно семнадцать, – предупредил наводящий.

Наводящий врал, на семнадцать единиц мертвые зоны ячеек вражеского щита смещаться при вращении не могли. Угловая скорость при 33R надир не жрет анкресы, а добавляет.

– Щит – восемнадцать анк, – автоматически поправил я. Дьюп так иногда делал.

Я даже не успел подумать, сойдет мне это с рук или нет, как наводящий отозвался:

– Слышу, четвертая. Щит – восемнадцать. Приготовиться к развороту!

– Четвертая на линии, – тихо предупредил навигатор. Он никогда не кричит во время боя.

Джи замешкался, и я, не глядя, выругался в его адрес.

– Щит запаздывает, – предупредил наводящий.

Это означало, что у меня, возможно, будет четыре десятых секунды, чтобы попасть в незащищенный бок набирающего скорость экзотианского АРК, пока он балансирует запаздывающий щит.

И я успел.

И вот это мое попадание – наш ответ автоматической системе наведения. Если мой пульт автоматизировать, корабли могут палить друг в друга вечно. Обе машины выберут оптимальные стратегии, и счет будет 0:0.

Вражеский корабль окрасился в цвета переполаризации, мы начали было подтягивать соседний «Лунный», чтобы можно было усилить светочастотный удар, кинув разряд со щита на щит, но противник дёрнул покалеченную машину назад, возникла гравитационная воронка, и мы резко откатились на шесть часов.

Сражение в космосе для случайного наблюдателя малоинформативная штука. Корабли мечутся, словно хищные птицы, ухитряясь при этом держать строй. И очень трудно сообщить, где та неведомая цель, куда они стремятся прорваться.

А цель у нас одна: захватить подходы к массивным развязкам домагнитного напряжения – зонам Метью, способным пропустить к экзотианским планетам тяжелые боевые корабли. Трех-четырехреакторные, многокилометровые, способ-

ные... Нет, не думай, по планетам никто стрелять не собирается, просто, захватив подступы – условия будем диктовать мы.

Нам не имеет смысла пускать экзотианцев под нож, мы связаны сотнями запретов, мораториев и конвенций, потому что воюем не с чуждым инопланетным разумом, а с теми, кто всего лишь на триста лет раньше нас ушел с матушки Земли. С теми, кто больше тысячи лет помогал нам населять негостеприимный космос, с теми, у кого просто иные устои и немного другой язык.

О, мы могли бы многое им противопоставить в плане уничтожения людей, как и они нам. Но третья мировая война на Земле отлично показала, что делает современное оружие с человеческими генами. Мы так и не оправились после нее. Мы стали гораздо менее разнообразными, чем нам хотелось бы. Возможно, ещё одна такая игра с природой – и людей не останется совсем. И мы помним об этом. Пока – помним.

Потому наша война – игра сдержек и противовесов, контроль локальных зон и развязок, а прямые столкновения заканчиваются вытеснением противника из стратегически важных секторов, не более.

Если мы выйдем к планете – планету сдадут. Иначе мы вели бы войну не так. Там, где домагнитный момент слишком мал для тяжелого двадцатикилометрового крейсера, шлюпка просочится легко. И десант мы могли бы бросить куда угодно. Только это будет уже совсем другая война. Война на

уничтожение человека, а не за передел зон влияния в освоенном космосе.

Просто мы зашли в очередной тупик, когда переделить старое легче, чем освоить новое. По крайней мере, так полагают дэпы, а мне не у кого больше спросить, правы ли журналисты, или это старается пропагандистская машина. И мне теперь никто не скажет: думай сам, парень...

– Четвертая – молодцы, хорошо отработали, – похвалил навигатор.

«Прошу командировать меня в распоряжение...»

Прогудел сигнал отбоя – низкий, похожий на коровье мычание. Похоже, экзотианцам надоело нас кусать, или у них начался обеденный перерыв. Я еще не видел спектрального смещения в сигналах экзотианских кораблей, но, похоже, наши разведчики перехватили вражеский разговор, потому что секунд через десять «красное» смещение появилось.

Все.

Опустил руки, и плечи тут же свела судорога. Джи подскочил, начал что-то растирать на загривке... Совсем щенок. Хотя сам-то... Тоже мне – ветеран в неполных двадцать пять стандартных лет.

Сколько, интересно, Дьюпу? Выглядел он на сорок – сорок пять. Значит, или столько, или прошел курс-другой реомоложения... Да, скорее всего, прошел. Так что как ни крути – выходило больше сотни.

«Прошу перевода в южное крыло армады в связи... В свя-

зи...»

Нужно было вставать. Нужно было вставать и идти.

Я подумал, что, по идее, нас должны были перебросить в южное крыло вместе с Дьюпом. Мы ведь – сработавшаяся пара. Это, наверное, он настоял, чтобы меня оставили и посадили на его место. Это так на него похоже.

Я не понимал, что со мной творится. Ломило в груди, не хотелось есть. Я до этого сроду ничем не болел. Разве что синяки и ссадины появлялись регулярно, особенно после дружеских поединков с Блэкстоуном или главным техником Кэшцем. Дьюп для спарринга не годился, он имел дурную манеру бить сразу наповал.

Но синяки проходили быстро. А если не проходили – наш корабельный медик находил их во время планового осмотра, тыкал пальцем и взвизгивал: «Тут-то опять чё?» Ох уж это его «чё», всегда попадал в самое больное место. Но потом синяк облучали, и ты забывал о нем начисто.

Один раз мы, правда, здорово заигрались, и Дьюп водил меня в медчасть. Я сопротивлялся, мне было еще не больно. Но напарник сказал, что сломано ребро, и когда меня сунули в капсулу меддиагноста, я уже ощущал, что оно сломано. Дьюп говорил – я не умею останавливаться. Обычно в спарринге, когда становится больно, автоматически ослабляют захват. Я иногда не ослаблял. Что-то щелкало в голове, и я, несмотря на боль, вцеплялся как бульдог.

– Разрешите обратиться, господин сержант?

Хотел огрызнуться, но это был всего лишь Джи Арх – худощавый, зеленоглазый мальчишка с астероидов. Теперь – мой второй стрелок. Беспамятные боги, он-то в чем виноват?

Заставил себя ответить ему, встать. Нужно было идти в столовую, и я пошел. Но на полпути понял, что делать мне там нечего, и велел Джи ужинать одному. Сам свернул за чем-то направо и ввалился в общий зал.

В общем зале мне сегодня тоже нечего было делать, это я сразу понял. Сослуживцы при моем появлении как-то странно притихли, видно, разговор у них шел про нас с Дьюпом. Только Кароль махнул мне из-за круглого столика, где они с Вессером собирались играть в пасет.

Мне захотелось уйти. Тогда я сделал так, как делал обычно Дьюп: вошел и сел не в углу, а там, где самый лучший обзор – в центре, чуть сбоку от дверей. Взял пульт, стал, никого не спрашивая, переключать модификации на самом большом экране. Потом вообще вывел экран из голорежима – полистать новостные ленты. В основном мне якобы хотелось читать про войну.

В общем зале стояла ненормальная тишина, только перестановки шушукались слева.

Я пробежал глазами заголовки новостей, но думал о том, как мне теперь искать Дьюпа.

Конечно, я знал его имя и должность, но знал как-то по-уродски. Капрал называл Дьюпа «сержант Макловски». Но сержантских должностей в армаде три – младший сержант,

старший и сержант по личному составу. (Я, например, был младшим сержантом.) А потом, я давно уже подозревал, что Дьюп – не имя, а прозвище, хотя ни разу не слышал, чтобы на корабле моего напарника называли иначе. Надо бы поговорить с кем-то из старичков. Кто помнит, как и когда Дьюп прибыл на наш «Аист».

Я повернулся и внимательно оглядел зал. Четыре столика, четыре больших дивана, двадцать два отдельных кресла, один большой экран, два малых, три голосекции. Кароль и Вессер – за одним из столиков, Ахеш и мой однокорытник Сербски – за другим. Ахеш, к слову сказать, большая гадина, вон как глаза бегают. В левом углу пятеро зеленых-презеленых салаг сидят кружком. У малого экрана смотрят порнуху старички – палубный Пурис, вечно второй стрелок Гендельман по прозвищу Гибельман и Бычара Барус, который, несмотря на ежедневные «два часа в спортзале», сумел уже отрастить пузо. Из самых стареньких в общем зале был сейчас только Пурис. Я даже имени его не знал, палубный Пурис – и все.

Пока размышлял, хоть какая-то жизнь вокруг меня начала налаживаться: Кароль и Вессер стали тасовать карты и раскладывать палочки, служившие условной платой в игре. Гибельман вызвал стюарда с пивом. Недоверчивый стюард стал препираться и выяснять, выпил ли Гибельман сегодня сколько ему положено или нет. Я тем временем подсел к Пурису, отметив, впрочем, что в зал вошел мой второй пилот, Джи

Арх, и присоединился к первогодкам.

Пурис при виде меня весь подобрался и приготовился лиять. Голографическая девица тянула к нему все четыре руки, но, похоже, делала это зря. Я выключил изображение. – Ты не беги, Пурис, – сказал я не тихо и не громко. – Мы еще не начали.

Палубный затравленно оглянулся на Бычару.

Да о чем они тут без меня говорили?!!

– Ты это... – сказал мне Бычара Барус излишне громко.

Я встал. Я был выше всех здесь присутствующих. И в хорошей форме.

Гибельман жалобно посмотрел на нас, потом на пиво. Пива ему хотелось больше, чем драки.

Боковым зрением я видел, что Кароль и Вессер, которых условно можно было считать союзниками, поднялись из-за своего столика и пошли к нам. Кароль встал у меня за плечом справа. Вессер плюхнулся в кресло рядом с Гибельманом и его пивом.

Все молчали. Я сконцентрировался на Пурисе. Костлявый такой, с виду довольно скользкий тип. Я о нем, кроме фамилии, ничего не знал. Зато он должен был знать то, что нужно мне. Но поговорить с ним по душам мне сегодня явно не дадут, это я понимал. Потому перестал изучать сдувающегося на глазах Пуриса и сказал, уставившись в живот Бычаре. – Я не понял, что *вы все* здесь против *меня* имеете?..

Вессер картинно возвел очи горе.

Я передвинул взгляд и нечаянно уперся им в Гибельмана. — А я... мы что? — он оглянулся на Бычару, потом на Пуриса.

— ...или против ДЬЮПА? — закончил я.

Бычара понял, что говорить придется ему. Он встал. Решил, что его плохо видно?

— Ты это... — сказал он.

Я ждал.

— Ты вообще знаешь, кто он такой, этот твой Дьюп? — сглотнул. — Он же спецновец! Его же к нам Хэд знает из кого понизили! Ты думаешь, чего он такой гордый был? Да он имел таких, как ты!..

Дальше я и половины слов не знал. Какой талант скрывался за растущей пивной мозолью!

Я был в курсе про спецновцев. Они выполняли самую грязную работу не только в армаде, они вообще всю ее выполняли. Но мне было на это как никогда плевать.

Я ждал, пока поток ругани иссякнет, и он иссяк. И я сказал тихо-тихо, чтобы все мухи тоже слышали:

— Барус, ты *меня* или *его* оскорбить хотел?

И взял кресло.

Бычара закрыл голову руками и становился все ниже и ниже...

Кресло, если отрывать его, как я сейчас, от магнитной подушки, весит в момент отрыва 204 килограмма. Но я этого не почувствовал. Я именно взял кресло. Оно полетело в сте-

ну над головой Баруса и, уже лопнув пополам, треснуло его, сползшего на пол, по башке. Кароль не побоялся повиснуть на моей правой руке. На левой тоже кто-то повис. Кажется, Сербски. Я отшвырнул обоих.

Пурис медленно уползал из зоны боевых действий на четвереньках. Он знал, кто последний год был в состоянии работать со мной в спарринге. И все знали. Из таких здесь сейчас никого не стояло.

Вессер решил выступить миротворцем. Он поднял обе руки и встал, закрывая собой шевелящегося под обломками кресла Бычару.

– Тихо, тихо, Агжей... Ты только скажи, ты чего хочешь? Чтобы этот бык извинился? Так он щас извинится. Только не надо доводить до карцера, да? Мы же все немного в одной лодке?

Я молчал. Видел, что Ахеш продвигается к двери, намереваясь смыться и настучать. Я все сегодня видел. У меня с уходом Дюпа глаза и на спине прорезались.

– Ну мы погорячились тут, а? – продолжал Вессер. – Его же, Дюпа твоего, многие не... Не очень... понимали, да, ребята. Станный он был человек, с норовом. Сам ни с кем не... Агжей! Агжей! ДА ОХОЛОНИ ЖЕ ТЫ!!!

Вессер, гад, тоже первый стрелок, он по моим глазам все видел.

– Ты пойми, он же сам тебя с собой не взял. Не знаю, почему его забрали южные... Видно, был за ним какой-то гре-

шок...

Ему не следовало употреблять это слово.

Рядом стояло второе кресло, но на руке повисло что-то мелкое. Нет, это был не Сербски. Сербски всего на дюйм ниже меня, а весит не меньше. Это был мой новоявленный второй стрелок! Который чуть не стал новопреставленным. Я-то рассчитывал на вес Сербски...

Не знаю, как я извернулся. Еще чуть – и разбил бы этому желторотому активисту башку об стену! Меня просто пот прошиб, когда я это понял. Кшена Дадди патэра и всех щенков, которые суются под горячую руку, потом белеют, зеленеют и...

В общем, не повезло в тот раз Ахешу. Когда заявили оба дежурных по палубе, мы почти весело и дружно отпаивали пивом Джи Арха. Боевое крещение он прошел вне очереди. Ну и Бычара пострадал не за пределами. Как выяснилось, даже креслом его тупую башку за один раз не пробьешь.

А Дюпа, как рассказал мне таки за пивом Пурис, по-настоящему звали Колин, Колин Макловски. Четыре года назад он был со скандалом переведен из спецона в армаду и понижен до старшего сержанта. Сути скандала Пурис не знал, но не верилось, что Дюп кого-то убил и съел, скорее наоборот.

Да, характер был у него не из легких. Его мало кто выносил в команде. Но не за поступки – за невольную дрожь в собственных поджилках, если он замечал в тебе какую-ни-

будь дрянь.

Я только одного не мог понять, глядя на совсем не атлетическое сложение моего нового напарника. На кого мне это сокровище оставить? В том, что добьюсь перевода в южное крыло армады, я был уверен.

История пятая

Грязное ругательство

Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.

Дельта Змееносца

Плохой из меня получился первый пилот. На Джи я постоянно повышал голос, дергал его чуть что. Дьюп так не делал. Но Дьюп учил меня в мирное время, а сейчас – война. И каждая ошибка моего желторотого друга может стать... Хотя Колин вообще никогда не орал. Просто подстраховывал, пока и тупого не пробивало. Но я же не он!

Джи-Джи терпел. Много и разнообразно. Я отвечал за то, что делаю в первый месяц после того, как забрали Дьюпа, только когда за пультом сидел. Потом меня лучше было совсем не трогать.

Рапорты о переводе в южное крыло я аккуратно писал каждую неделю. Свободное время проводил в спортзале и за изучением истории армады.

Знал я про «южных» до безобразия мало. Даже палубные байки раньше не слушал.

А порядки в южном крыле, как выяснилось, отличались от наших. Наверное, потому, что стояло оно на протяжении всей своей истории в самой заднице Империи.

Задница эта тоже соприкасалась с экзотианскими мира-

ми, но с какими! Один Хардас чего стоил с его торговлей наркотиками на всю обозримую вселенную. Или Грана...

Эти планеты приличные экзотианцы и сами презирали.

Хотя, вообще-то, заселять галактику мы начали именно с юга. По идее Абэсверт – культурный центр, наследие утерянной Земли, а выглядит змеиным гнездом. Особенно в откровениях имперской пропагандистской машины. Наших, наверное, до сих пор цепляет, что экзотианцы были первыми.

Еще я надеялся выудить из сети какую-нибудь информацию о скандале в спецоне, но там свои секреты держали крепко.

Зато про «южных» я прочел достаточно для размышления. И чем больше думал, тем меньше они мне нравились.

Даже дисциплина в южном крыле была настолько хреновая, что там до сих пор сохранились телесные наказания.

Это же надо так распустить личный состав, чтобы ребята кроме кнута ничего не понимали?

У нас тоже всякое бывает, но обходимся, люди же вроде, не собаки и не лошади. Да, насколько я знаю, приличные дрессировщики и с животными справляются без битья. Понятно, почему Дюп не хотел, чтобы меня туда перевели...

Устав самообразовываться, я отправился таскать железо. На полпути вспомнил про Жи. Те, кто родом с астероидов, крепким костяком не отличаются по определению, но хоть какие-то мышцы нарастить он может?

Стрелка своего я нашел в компании таких же желторотых,

причем – с обеих палуб! Вообще, эпитэ а матэ, дисциплины не стало никакой!

Увидев меня, первогодки сразу сникли. На меня последнее время мало кто хорошо реагировал. Ну и Хэд с ним. Я велел Джи, чтобы шагал следом, развернулся к спортзалу...

Конечно, резковато немного велел. Услышал, как он топает сзади.

– Господин сержант...

Я остановился, обернулся.

– Сколько раз просил называть меня Аг? Восемь или десять?!

Джи замер. Боится он меня, что ли?

Я попробовал улыбнуться. Судя по лицу Джи Арха – вышло плохо.

И с ним надо бы поговорить... Беспамятные боги, как тошно-то от одной мысли, что с кем-то надо о чем-то говорить!

Свернул к нашей каюте.

– Заходи, садись.

Джи, втянув голову в плечи, переступил символический порог и сел на свою кровать.

Я рухнул напротив. Уперся ладонями в бедра. Надо говорить. Надо заставить себя. Он чего сжался весь? Думает, бить, что ли, буду?

– Ты меня боишься, стрелок? – спросил я в лоб.

Кадык на шее напарника совершил судорожное движение.

– Ребята говорят, вы меня убьете. Может, не нарочно, но случайно – точно убьете.

Глаз он не отводил. Джи был мелким и физически не самым крепким (хотя для стрелка мышцы не главное), но не трусом – точно.

– Ты же понимаешь, – сказал я, как-то все-таки подбирая слова. – Я сейчас немного не в себе...

Дальше я говорить не мог.

Джи подождал.

– Понимаю, – сказал он. – Думаю, обойдется как-нибудь. Или нас всех убьют – война же. Зато по тактике, стратегии и числу попаданий наша пара – первая. Я ведь последний курс не закончил и тестовые не прошел. А с вами... – Беспамятные боги, вас всех сейчас так в действующую армию посылают?

– С последнего курса – всех забрали.

Он опустил глаза, а потом снова поднял. И в них был уже несмелый интерес.

– А беспаятные боги – это экзотианские?

И я выдохнул и улыбнулся. У меня получилось.

– Экзотианские, – сказал я, вспомнив увольнительные на Орисе – одном из самых красивых экзотианских миров. – Боги у них, Джи, как наши блаженные – грехов и тех не помнят. Экзотианцы считают, что память о прошлом убивает. – А в-вы как считаете?

– Я не знаю. Но меня она точно убьет.

Джи замялся. Я видел, что он хочет что-то сказать или спросить. Кивнул ему – валяй.

– А вы не рассердитесь?

– Рассержусь, – сказал я совсем не сердито. – Если еще раз от тебя это «вы» услышу. Ты же сам сказал, что мы с тобой – пара. Я – Аг, в крайнем случае – Агжей. Если нас завтра убьют, ты и там будешь меня навеличивать? Говори, чего хотел, и в спортзал пойдем. Будем из тебя стрелка делать не только в плане прицельности, но и в плане выносливости. – А я вам... То есть извините... Извини... Только никому, ладно?

Вот глупый, кому же я могу в таком состоянии что-то рассказать? Я и говорить-то почти не могу.

– Друг у меня, – Джи начал изучать глазами пол, – он младший техник. Я понимаю, что не положено с разных палуб, но мы встречаемся, в общем-то. На техников ведь внимания никто особо не обращает. А у капитана в каюте вечно что-то со связью. Ну, и он чинил два раза. Вернее, не чинил – инструменты подавал. Но слышал, как тип какой-то с нашим капитаном говорил по ближней связи. Кар... друг то есть, на экран не смотрел, слова только. Чужой говорил, мол, зря наш капитан отдал лучшего стрелка «ни за что». А капитан рассердился и сказал, что «ни за что» – это когда ничего не дали. А если башку чуть не оторвали – то это уже за что. В общем, он не хотел отдавать Дьюпа, кэп наш. Но у южного был приказ от командующего армадой, от адмирала.

Потому что Дьюп, он раньше возглавлял южное подразделение спецона, до того, как его за что-то дисквалифицировали и сюда отправили. А сейчас война, и прошлые грехи значения не имеют. Так этот южный капитан сказал. На Юге у них беспорядки жуткие, до людоедства. И они хотят, чтобы Дьюп обратно вернулся, на свое место. Потому что он вроде как умеет. Они и... тебя, Агжей, хотели забрать. – Джи наконец посмотрел на меня. – Якобы твоя фамилия тоже в приказе была. Но Дьюп сначала попросил приказ, где его восстанавливают в должности, и ему этот приказ отдали. А потом он сказал, что ты никуда не поедешь. Южный спросил – почему, а Дьюп сказал, что его приказы они с нашим капитаном будут обсуждать так, чтобы он не слышал. А пока – пусть заткнутся, если не хотят, чтобы он обе тупые головы оторвал и местами поменял. Ну, может, не совсем так сказал, но типа того. З-забрал оба приказа и вышел. А наш капитан сказал тому капитану, южному, что лучше не связываться, Дьюп оторвет, он его знает. В-вот и все, – начал опять заикаться Джи.

Насмотрелся он на меня. А на меня сейчас лучше было не смотреть.

И все-таки после рассказа Джи Арха меня немного отпустило. Дьюп всегда знал, что делал. Но и я вырос. И теперь буду делать так, как хочу сам. Хватит меня опекать. Никого я не боюсь – ни людоедов, ни мародеров. Даже если и боюсь – это пройдет. А боль в груди не пройдет.

И еще – мне очень не нравилось, что моя фамилия была-таки в приказе командующего крыльями армады, но прошла неделя, потом другая, а история эта так и канула к Хэду. Неужели Дьюп встречался и с адмиралом? И тоже сказал ему что-нибудь неприятное? Вроде того, что если меня возьмут, то от назначения он откажется? Боги беспамятные, да что же у них творится в южном крыле?!

Я не верил, что Дьюп просто бросил меня, дабы не обременять свою высокую персону в новой должности. Он мог избавиться от меня давно и более простым способом. Но он всегда знал, что делал. Знал...

Мне полагалось сегодня сдавать ежемесячные тесты нашему корабельному психотехнику, и я боялся, как бы он чего плохого у меня в реакциях не нашел.

Но вышло почему-то наоборот. Все «боевые» показатели работали как надо, мало того, два раза я выстрелил в условного противника с опережением, как делал Дьюп. Хотя считается, что в космосе стрелять с опережением невозможно, слишком большой разброс предполагаемых траекторий. Но я выстрелил два раза и оба раза попал. Психотехник ничего не сказал, только посмотрел странно. Он что, считает – я от Дьюпа заразился?

Уже в коридоре я подумал: может, Дьюп так стрелял потому, что болело в нем так же, как и во мне? Он никогда ничего о себе не рассказывал.

Дошел до каюты и понял – устал, наконец. Хочу лечь на

кровать с фреймом и, может быть, даже поспать.

В каюте уже спал один «уставший». Я вспомнил, что за пятидневку мы отдыхали нормально два раза. А так – перерыв на сон – и за пульт. Боевые дежурства, перестроение, торможение, еще какая-нибудь дрянь. Сегодня экзотианцы почему-то не стреляли. Почему, интересно? Дьюп бы догадался.

Джи спал, как младенец. Даже рот приоткрыл, и слюна намочила подушку.

С его физическими данными такие нагрузки могут плохо кончиться. Да и мы с Дьюпом иногда пользовались, полагаю, разрешенными стимуляторами. Все стрелки ими пользовались, в общем-то. Только я никогда не интересовался, что это и где его берут. Вот же бандак длинноносый.

Впрочем, зная Дьюпа, можно было предположить, что он и об этом позаботился.

Я достал электронные ключи от нашего общего уже с Джи сейфа, которым он, кстати сказать, еще ни разу не воспользовался. Поди, и не знает, что такой сейф есть? Открыл. Ну, точно. В сейфе лежали и ампулы, и инструкция, явно набранная Дьюпом.

Вот так он меня и воспитывал. Пока не спрошу – никогда ничего не объяснял.

Я пробежал глазами инструкцию – там было все, даже адреса, где можно заказать эту заразу в обход корабельных медиков.

Нет, Колин не думал, что вот так раз – и уйдет. Он просто всегда просчитывал наперед.

Прозвучал сигнал на обед, и Джи прямо-таки подбросило на кровати. Еще один нервный завелся.

«Пошли? Ну да, пошли, наверно».

Есть не хотелось, но желудок требовал. Такое вот странное состояние. Но я почти все в себя впихнул, даже принесенную Джи булку, посыпанную перцем. Меню изменили, что ли? Сроду таких не ел.

Сразу под горлом стоял комок, и пищу приходилось в себя пропихивать. Ничего, и это пройдет когда-нибудь. Все проходит, только трупы иногда остаются. Особенно в вакууме.

Надо рассказать Джи про то, что лежит в сейфе. Дьюп-то не собирался уходить, а я собираюсь. Мне ж не с собой это желторотое чудо тащить. Хотя... и он уже по-своему ко мне привязался. Ничего, месяц – не... И все-таки надо поговорить с ним и об этом тоже.

Когда я выруливал из столовой, подошел дежурный и вручил приказ. Под роспись. Миленько... К капитану меня уже вызывают «под роспись»... Они там что, консилиум психотехников решили собрать? Так я же вроде прием у психотехника удачно проскочил? Или где-то спекся?

Расписался и пошел.

В капитанской сидели трое: капитан, навигатор и чужой, с военной выправкой, но в штатском. Пили чай и голубой огонь с Грены, закусывали келийскими орехами в красном

сахаре.

Я встал навытяжку.

Кэп посмотрел сначала на меня, потом на навигатора и третьего, с лицом сушеной рыбы. Как всегда слегка вытаращил глаза: вот он, мол, мерзавец, явился.

– Младший сержант, вы сумеете мне внятно объяснить, почему в течение месяца написали четыре рапорта о переводе в южное крыло армады?

Я молчал. Знал по опыту, что кэп ругаться особенно не умеет. Темперамент не тот. Поворчит-поворчит и успокоится. А я еще двадцать рапортов напишу. Пока не придумаю что-нибудь более действенное.

– Ладно, – сказал капитан, не повышая голоса. – Объяснять свое поведение вы не научились. Но кресло-то зачем в общем зале испортили?

О, и об этом донесли. Ах, Ахеш, Ахеш... Я же спустил тебе один раз, я же тебя, гада, почти простил.

Об Ахеше думалось с умилением: душа просто просила драки, да что там – она ее требовала. Интересно, если прибить Ахеша, меня могут в наказание перевести в южное крыло, раз там – самая задница?

– Красавец, – сказал капитан с иронией. – Двухметровая дубина, пороговые реакции почти как у мутанта, но, как ни странно, не псих. И ни одного серьезного порицания. Не пьет, не жует, не нюхает. Правда, у нас вообще с этим строго. Штатский достал сигареты и закурил.

Курить на корабле запрещено. Не только из-за здоровья личного состава, аппаратура может на дым среагировать.

Что бы предположил Дьюп? Что этот, в штатском, крупная шишка? Тогда Дьюп, скорее всего, и морду лица его узнал бы. Он многих из начальства знал в лицо. Теперь понятно – почему.

Штатский смотрел на меня с прищуром, словно прицениваясь. Ну точно, как на собеседовании перед поступлением в академию.

Стоп. Капитан что, хочет «продать» меня этому кислотице? Кто же он? Вербовщик? Неужели из южного крыла? А почему тогда в штатском? СПЕЦОН, что ли?!

Ох, Ахеш, неужели я не убью тебя сегодня? А так хотелось...

Штатский разглядывал меня, курил и улыбался. Потом встал. Зубы, что ли, смотреть будет или мышцы щупать? Подошел ко мне. Обошел вокруг. Я намеренно не смотрел ни в глаза ему, ни на ноги. Пусть не думает, что боюсь. А среагировать, если что, я успею.

– Не понимаю, сержант, – сказал штатский (голос у него был хриплый, но не самого мерзкого тембра). – Почему же тебя лендслер с собой не взял, если ты якобы так хорош?

Лендслер – это сокращение от лендсгенерал. Один из высших, так называемых «наземных» армейских чинов. Ни фи-га себе звание у Дьюпа было. Впрочем, почему было? Джи сказал, что в звании его восстановили. Значит лендсгенерал.

Типа адмирала, только на суше. Где же он летать-то так выучился?

– Капитан, у вас там чашки особо ценные были? Уберите! – приказал штатский.

Так, значит, чином он выше капитана. Командует.

– Да он же вас голыми руками... – скривился в нехорошей усмешке кэп, эвакуируя свой любимый сервис. – Я же вам показатели давал. Это же андроид безбашенный. Вы видели, что он с креслом сделал?

Штатский зашел мне за спину.

Он был на полголовы ниже, худощавый. Но Дюп как-то заметил, что настоящие убийцы в массе не самые крупные. – Ну, я-то – не кресло, – чужак рассмеялся, вырулил мне в фас и быстро, в открытую ударил под дых.

Я даже не посмотрел на него. Столько, сколько я за этот месяц качал пресс, вообще никто не качает. Месяц не жрать и не спать толком, а все свободное время качать пресс, чтобы с ума не сойти. Пробовал так? Я потерял последние килограммы веса, который был не кости и мышцы, и теперь об меня разве что руку можно было отбить.

Штатский попытался провести один из запрещенных приемов, но я спустил движение вниз и продолжал изучать герб армады над креслом капитана. Милый такой герб – два крыла... Пусть беспамятные pošлют мне южное.

– Да, нервы у него хорошие, – фыркнул штатский. – Что, сержант, не хочешь бить своего генерала? А если так?

Он ударил еще пару раз, с виду совсем не сильно, но очень умело – по болевым точкам. Я, в общем-то, был готов и к такому и продолжал изучать герб, словно увидел его сегодня впервые. Крылья были разноцветные. Южное – красное. У верблюда два горба, оттого что жизнь – борьба...

– Слушай, капитан, – штатский повернулся к нашему кэпу. – Он *у тебя* вообще говорить-то умеет?

– Сержант – вольно! – понял намек капитан и полез в сейф за рюмкой. – Садись за стол.

Выбора не было, я сел. С прямой спиной и непроницаемым лицом – как и положено по уставу.

Капитан налил всем голубого огня и спросил меня, чуть улыбаясь от предвкушения то ли напитка, то ли моего конфуза:

– Пробовал когда-нибудь?

Я кивнул. Пробовал я на Орисе это питье экзотианских аристократов. И не один раз. Мы здорово там всего напробо-вались. Я знал, что голубой огонь полагается пить медленно и осторожно, чтобы не задохнуться с непривычки, но зато потом по всему телу течет тепло и блаженство.

Штатский пригубил.

– Да пей ты уже наконец, – сказал он. – Что только нашел в тебе Макловски?

Я вспомнил, что он во мне нашел. Вернее, *как* он меня нашел. Как раз после голубого огня, а следом и веселого дыма. Только Дюпу, с подачи кого-то из нашей команды, ока-

залось по силам вытащить меня, совершенно не вязавшего лыка, из борделя и доставить на корабль. Может, он нес меня, может, даже бил, я не помню. Но он и провел мимо вахтенного, и оставил отсыпаться в своей каюте. А в следующий выходной взял с собой, показав, как и где не надо пить. И вообще много чего показал. В частности, как употребляют этот самый «экзотианский огонь», чтобы не было потом мучительно больно и стыдно. Жил он тогда один, без напарника. Они вместе заразились черной лихорадкой, но его второй стрелок не выжил. Не имел дурной привычки выживать, как выразился Дюп. И как-то само собой вышло, что я у него осел.

В память об этом событии я взял рюмку, хотя «огонь» пьют обычно из бокалов, выдохнул и сделал медленный долгий глоток. А потом посмотрел, наконец, на штатского, возвращая ему оценивающий прищур и показное недоумение. Привыкнув уже к моему тупому и ничего не выражающему лицу, тот слегка оторопел.

Капитан захохотал. Он вообще был довольно простой мужик, наш кэп.

– А я думаю, Макловски правильно сделал, что не взял его, – негромко сказал молчавший все это время навигатор.

Из сидящих тут он знал меня лучше всех, и его мнение я вообще не хотел бы слышать. Мне было легче играть вслепую с обеих сторон.

Но навигатор продолжил:

– Парень слишком молодой для таких нагрузок, мало того – он честный и добрый. А это и временем не лечится.

Это я-то добрый? Если бы мог, я бы покраснел.

Штатский картинно поднял рюмку вверх, как делают на Экзотике, и присосался к ней.

Я больше не пил и не собирался, даже из вежливости.

Штатский поставил рюмку.

– А мне и нужны честные и добрые. Мерзавцев у нас своих хватает. Ты думаешь, для чего меня послали набирать людей в ваше крыло? Чтобы сформировать особое подразделение из ребят, которые хоть что-то ценят и понимают, хоть чему-то верят.

– А если Макловски тебя не поймет? Он-то *не* взял, а ведь парень хотел. Ты же хотел, Агжей?

Я сдержанно кивнул, опять ровно так, как положено по уставу.

– Хочешь сказать, что я, таким образом, иду против воли своего же генерала? Но, когда он болтался тут у вас, он просто не знал, что нам придется делать следующим шагом. Мало того, я мог бы связаться с ним...

– Ну так свяжись.

– Не хочу. Если у него бзик, и он не согласится, я не смогу нарушить приказ. А парень мне нужен, – он повернулся ко мне. – Ты сам-то чего хочешь, пилот? Я, насколько возможно, карты тебе приоткрою. Это будет особое подразделение спецона. Мне не нужны там беспринципные и проворо-

вавшиеся вояки, которые заполонили сейчас южное. С приходом Макловски головы, конечно, полетят, но этого мало. Нужен отряд быстрого реагирования, и желательно не один. С хорошими, проверенными людьми, честными и исполнительными, не особо избалованными. А самое главное – не связанными никакими моральными обязательствами с сегодняшним руководством южного крыла... Ты хотя бы понимаешь меня, молчун?

Я кивнул, четко и по уставу. Спина прямая, подбородок чуть вниз и вперед.

– Вопросы будут? – спросил штатский уже более официально и сердито. Если бы я еще в молчанку поиграл, он бы все-таки заорал, наверное.

– Будут, – кивнул я. – Разрешите взглянуть на ваши документы и приказ о полномочиях? И объясните, кому непосредственно будет подчиняться это так называемое «особое подразделение».

Претензии я выразил в самой вежливой форме. Сказать же хотелось примерно вот что: ну и откуда я узнаю, что ты не врешь мне, абзал навозный?

Штатский посмотрел на мою хмурую рожу и рассмеялся.

– Нет, где вы только таких берете, а? – спросил он у капитана.

– Так я же говорил тебе, эпитэ ма хэтэ, что он два года вместе с твоим Макловски и срал, и спал. Он этого гаденыша из рук выкормил, – не выдержал капитан.

Я не обиделся. Ругался кэп без зла, да и «голубой огонь» действовал на меня расслабляюще.

– Не бери его, – сказал навигатор. – Макловски тебе шею свернет.

– Не свернет. У него, как и у меня, каждый здоровый на счету.

Штатский встал, вынул личную карточку и ксантовый наладонник – вещицу надежную, но способную саморазложиться в считанные минуты. Карточку он сунул мне под нос:

– На, сержант, читай, только не вслух!

Набрал код, развернул наладонник до размеров дицепторного экрана, достал из нагрудного кармана синий кристалл, вставил.

– А вот тебе приказ. Ознакомься. Только в темпе.

Я прочитал и отодвинул наладонник.

– Ну? – сказал он. – Чего тебе еще надо?

– Не знаю, – ответил я честно. – Просто не хотелось бы подвести Дьюпа.

Эта простая фраза произвела на генерала Виллима Мери-са, заместителя лендсгенерала по личному составу (теперь я знал его имя и должность), неожиданно сильное впечатление.

– Он что, называл себя *так*?! – уточнил генерал с недоверием и отвращением. – Вот *так*?

Навигатор кивнул. Ни он, ни кэп реакции гостя не понимали.

Мерис выругался настолько замысловато, что я даже повторил про себя для памяти.

– Забудь это «имя», сержант. Это не только грязное животное, но и грязное ругательство в тех местах, куда ты, надеюсь, все-таки попадешь. Даю тебе два месяца на раздумья. За это время я закончу работу в вашем крыле и сформирую из новобранцев подразделение. Если не найду большего зануду – ты его возглавишь!

Я вскочил и вытянулся по стойке смирно.

– Иди, сержант. Сегодня я насмотрелся на тебя с избытком.

Я шел к себе в каюту и... Расцеловал бы и Ахеша, если бы встретил. Но, слава беспамятным, не встретил.

История шестая

Абэсверт

Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.

Дельта Змееносца – Абэсверт

Тем же вечером я объяснил Джи, что у меня есть примерно два месяца, чтобы сделать из него стрелка. Потом переведусь в южное крыло, и ему придется выживать самому. Пусть все непотребства творит сейчас, заступлюсь.

Спросил:

– Будешь помнить?

Он испуганно кивнул. Неужели успел-таки привязаться? Вот ведь сакрайи Дадди пассейша...

Орать я на него стал теперь меньше. Визит генерала немного успокоил меня. Ждать чего-то определенного – вернее ежедневного провисания в пустоте.

Я надеялся, что Мерис за мной вернется. И он вернулся. Даже раньше, чем обещал – на тридцать седьмой день от приснопамятного разговора.

Генерал еще больше осунулся и потемнел лицом, наверное, сказались постоянные «проколы». Мы посмотрели друг на друга и поняли, что ни он, ни я от своих идей не отказались.

– Ох, как ты мне запомнился, сержант, – сказал Мерис

вместо приветствия.

Я все еще был сержантом, правда, уже старшим. Мы сильно отличились с Джи в последние две недели, и я знал, что капитану будет жалко меня отдавать. Но что он мог сделать, если все уже решено?

Зная мой скверный характер, Мерис кое-что объяснил прямо в капитанской, что называется «на пороге». Меня возьмут на базу на астероиде Бета 1718-мт, это всего в паре тысяч единиц отсюда. Там соберут всех, с кем придется потом служить. Там же нам назовут стартовые условия. Кто откажется, подпишут «о неразглашении» и могут убираться восвояси. Нужны только стопроцентные добровольцы.

Я кивнул. Он фыркнул. А ведь недавно я был довольно болтливым щенком.

С Джи мы прощались тяжело. Но со мной он, слава беспамятным, так и не попросился.

На Бете мне сразу не понравилось.

База оказалась пыльной и полузаброшенной. Мерис привез туда двести молодых ребят с разных КК, в основном пилотов-стрелков, но были и палубные, и настройщики, и даже два техника. Весь первый день мы просто драили жилые помещения, чтобы вышло поспать, не задыхаясь от пыли. А вечером генерал устроил нам встречу совсем не на отмытой нами территории.

Мы сошлись в грязном, захламленном подвале, где по углам валялись разбитые пульта, а с потолка свисали цепи

с магнитными зажимами. И пахло в этом подвале странно. Скотину тут раньше потрошили, что ли?

Мерис выглядел раздраженным и злым. Может, говорил по дальней связи с начальством? Вот бы хорошо, если бы Дьюп, то есть Колин, ему вставил!

Генерал сказал, что набрал две группы из спецоповцев северного крыла (они полетят другим транспортом) и нашу группу – из перспективных, но малообстрелянных ребят. Сказал, что каждого из нас ждет более трудный путь, чем просто служба в особых войсках южного. Нас бесполезно, да и нет времени переучивать так, как учат обычно особистов. На это понадобился бы не год и не два, а времени в обрез. Выход один – провести через штрафбат и раскидать по уже сформированным подразделениям южного спецона, чтобы мы выучили себя сами.

Мерис предупредил, что служба в спецоне вообще гораздо страшнее и грязнее, чем в армаде, а в южном крыле – особенно. И отношения между сослуживцами там сейчас тоже хуже некуда. Если кто-то из нас не готов испытать все многообразие жизни на собственной шкуре, то сегодня еще можно отказаться. Завтра будет поздно.

С генералом явились двое хмурых парней в полевой форме спецона со споротыми нашивками. Пока он говорил, они откровенно маялись, глазели по сторонам, переминались с ноги на ногу, то есть вели себя совсем иначе, чем были обучены мы.

И только когда Мерис велел мне выйти из строя, я понял, зачем тут эти двое и что за цепи болтаются на потолке. — Вас будут унижать и бить, — сказал генерал. — Над вами будут издеваться сослуживцы и высшие чины. И вы должны быть к этому готовы. И должны выдержать. Трусые и слабаки мне не нужны. Кому сейчас происходящее не понравится, можете сразу собирать вещи, — он повернулся ко мне. — Видишь эти цепи, сержант? К ним когда-то приковывали ослушников и избивали. В южном крыле так делают до сих пор. Вэнс, — он кивнул одному из спецоповцев, — активируйте механизм, мы на днях проверяли, он работает.

Спецоповец не спеша поковырялся в пульте, и тот действительно ожил. Цепи поползли вниз...

Я уже все понял, но почему-то надеялся, что обойдется. Думал, что Мерис может шутить. Щенок доверчивый. С какой стати я питал такие надежды?

— Напоминаю, — предупредил генерал. — Заставлять никого не будем. Откажетесь — ваше дело. Да и с такими, как наш сержант, — он хлопнул меня по нижней части бицепса, — мы и втроем не сладим. Но я его знаю, он упрямый. Он пойдет добровольно. Вэнс, покажите сержанту, что он должен сделать.

Спецоповец подошел к цепям (концы их с магнитными захватами болтались рядом с моим лицом) и вложил в захваты запястья обеих рук.

— Давайте, сержант! — весело кивнул мне Мерис.

Похоже, его радовала возможность еще и отомстить мне заодно по-мелкому.

Почему я не испугался, не знаю. Обычно страх что-то обрывает внутри меня. Но с уходом Дьюпа все, что могло, уже оборвалось. Я, видно, не способен был тогда бояться по-настоящему, думал, что самое страшное уже случилось.

Шагнул, вложил руки, куда просили.

Захваты обжали запястья, цепи дернулись вверх. Впрочем, я почти стоял. И все-таки от этой нелепой позы и металлического холода мне стало не по себе.

Мерис достал из кармана цилиндрик электробича, передал второму спецоновцу.

Что ж, боль от боли отличается мало. Да и импульсный бич хуже. У нас на ферме один рабочий попал под направленный импульсный сигнал. Так он орал, что называется, не приходя в сознание, с пеной изо рта и галлюцинациями. Но и электробич – тоже ничего, встречались мы с ним. Как-то отец пытался таким способом объяснить мне свое мнение. Я, честно говоря, до сих пор ему этого не простил. Дьюпу простил бы – у него были пару раз серьезные причины. Но Дьюп как раз сдержался. А у отца особых причин не было, он просто по-иному смотрел на жизнь. Но если бы богам хотелось, чтобы мы полностью повторяли родителей, они бы нас клонировали. Так я ему тогда и сказал. Отец спал и видел, чтобы я остался на ферме...

Зато я знал теперь, что нужно глубоко вдохнуть и выдох-

нужно дышать, скорее всего, в ближайшие минуты не придется.

Я не кричал, хотя и не соображал почти. Сначала от болевого шока пропало дыхание, а потом, чтобы выдохнуть, надо было еще как-то вдохнуть. И только когда я услышал, как на ребрах лопается кожа, я смог подумать, что припомню все это Мерису. Обязательно припомню.

Цепи провисли, генерал поймал мой не самый ласковый взгляд, но только хмыкнул. У него свои цели и свои враги, что ему мстить какого-то сержанта? Мерис смотрел на меня с чувством глубокого морального удовлетворения, по-моему, не более. – Вызывайте подкрепление, – бросил он спецношам и задрал голову, пересчитывая цепи. – Нужно человек десять, иначе мы тут и за два часа не управимся.

Из набранных генералом бойцов развлечь его персону не отказался никто. Хотя молчать многие не умели. И от этих криков мне было куда больнее, чем от саднящих ожогов на спине и ребрах.

Но заткнуть уши я не мог. Беспамятные боги! Я уже ничего не мог! Только стоял и смотрел, как избивают ребят. Моих ребят. Мерис уже сказал, что я их будущий командир. И я смотрел. И молчал. И, может быть, только теперь начал понимать, почему Дьюп так не хотел брать меня с собой. Он знал. И навигатор знал. Каким бы я ни возомнил себя в последние месяцы суперменом, изначально я не был приспособлен к службе в спецне. Даже когда в башке шелкну-

ло, и я бросил в Баруса кресло, я бросил его не в голову. В стену *над* головой. Как был я добрым доверчивым деревенским щенком, так им и остался. Почему же Дьюп меня не бил, чтобы я хотя бы помнил об этом?!

Дьюп всегда бил расчетливо и наверняка, я – молотил воздух. И никогда не мог смотреть, как кому-то больно. Сам могу терпеть, пожалуйста, но смотреть...

Да и кем он мог меня взять? Ординарцем, что ли? Разве я способен вот так, как этот, со споротыми нашивками, избивать человека только потому, что блажь накатила на его командира? Какой я дурак, беспамятные боги...

А если бы Дьюп приказал мне?..

Вряд ли. Он бы сделал все сам. Он всегда самую грязную работу делал сам. И мне велел сидеть там, где сижу. Он отвечал за то, что делал. Это я... Что же я натворил. Да кончится это когда-нибудь или нет?!

После экзекуции Мерис велел нам идти за спецонавцами. Они, пока мы драили астероид, развернули в одном из ангаров передвижной госпиталь.

– Но, – сказал генерал, – шрамы по возможности оставляйте. Они вам пригодятся потом, эти шрамы.

Я был зол на него, но понимал – да, шрамы пригодятся. Татуировок на правом виске, положенных в штрафбате, нам делать не будут – не та степень тяжести. Предполагалось, что мы не законченные отморозки, а так, мелочь, сосланная в южное крыло за дисциплинарные проступки. В психологи-

ческом аду, который нас ждет, годятся иногда и шрамы – как моральный буфер.

Генерал делал все правильно, просто моя природа не понимала и не принимала такой поганой правильности. И еще я очень хотел знать: когда Мерис делает из нас тех, кто нужен ему, в нем самом остается что-то человеческое?

Генерал набрал двести парней. Пока нас везли, я постарался запомнить всех – кого как зовут, кто что любит, чего боится. Ближе к прибытию Мерис вызвал меня и разложил на столе двести голокарт.

– Расскажи о каждом, – приказал он и закурил.

Рассказать я смог немного, но имена и привычки назвал. Он хмыкнул. Вот так мы с ним и общались.

Добирались восемь суток. И все восемь генерал старался достать нас не мытьем, так катаньем. Устраивал провокации, давал непосильные нагрузки. Если бы не искусственный сон во время проколов пространства в зонах Метью, мы, наверное, не долетели бы живыми.

По легенде, все мы являлись штрафниками-условниками из северного крыла и, наверное, действительно должны были выглядеть подавленными и измученными. Тогда на первых порах сольемся с такими же бедолагами. И Мерис нас к этому готовил. А его спецоновцы показывали запрещенные приемы и стимуляторы. Знакомили даже с наркотиками.

Интересно, Дюп, то есть Колин, знал, что делает Мерис? У генерала был приказ набирать спецоновцев, а не таких, как

я. Возможно, не знал.

Нет, я не хотел, чтобы он узнал. Я свой счет хотел вести сам. Да и делал Мерис, скорее всего, то, что нужно. Но не выносил я его, и все тут. Разные мы с ним были.

И Дьюп не такой, как этот Мерис. Или такой? Нет, Дьюп не побоялся бы сообщить, что он не послушается приказа, если таковой последует. А Мерис струсил. И признался, что не сможет не исполнить приказ. Дьюп, видимо, мог. Может, за это его когда-то и отправили простым стрелком в наше крыло?

Нужно привыкать называть Дьюпа – Колин, а то неудобно когда-нибудь выйдет. Хотя на Юге у него, возможно, другое прозвище.

Перед прибытием в зону дислокации южных генерал собрал нас.

– Полгода вы будете плавать на Юге, кто как сумеет, – сказал он. – Каждого, слышите, каждого через полгода я хочу увидеть живым! Я знаю, так, скорее всего, не выйдет. Но берегите себя. У нас с вами есть более важные цели, чем сдохнуть.

Мерис не знал, что в живых останется 183 человека. И я не знал.

Мы прибыли. В магнитных наручниках. Едва стоящие на ногах. В форме со споротыми нашивками. В слишком легкой для здешних мест форме.

Абэсверт. Ледяные миры. Или миры Белого Блеска, как

называют их экзотианцы. Цепочка причудливых негостеприимных планет, одна холоднее другой. Название заворачивало, и от него веяло смертью. Однако с одной из планет Абэсверта была родом древнейшая аристократия Экзотики.

Дьюп, как всегда, успел меня предупредить о том, куда попаду. Это была, наверное, последняя его подсказка. Я воспользовался ею, как мог. Прочел то, что удалось прочесть. И спецоновцы Мериса тоже рассказывали. Но я знал, что рассказы и жизнь – это две самые большие разницы.

Особисты выгрузили нас практически пинками. Мы уже не огрызались.

Солнце слепило, но было красное и холодное. Мы сели на Страт, самую удаленную малую планету системы Дайеки, пограничных Абэсверту миров. Атмосфера здесь была, но не более. Зато сила тяжести – всего 0,67 от стандартной.

Страт служил перевалочной базой. Ледяной мир. Пронизывающий ветер и проталины. И привычный запах озона. Здесь, слава беспамятным богам, была весна.

Мы знали, что не задержимся на Страте. Нас разберут по действующим частям и...

Я обнялся с каждым из ребят. Может быть, они простят меня за то, что будет с нами дальше.

История седьмая

Зачистка

Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.

Абэсверт, Катрин

У каждого в голове есть свой домик с дрессированными мышами. У кого-то мыши шустрят тихо, у кого-то устраивают концерты со стриптизом. А под белесой щетиной сержанта по личному составу Хокинса мыши построили город.

Сержант спал и видел, как его подопечные воруют капсулы с кварцевым порошком для светочастотных установок, пьют его сержантский авторитет и продают по сети алайцам.

Более идиотских обвинений в свой адрес я не помню ни до, ни после УСП, условного партената, так это теперь называется.

Штрафбат – похуже будет. Условников капитаны раскулачивают, значит, предполагается, что мы еще чего-то стоим. А штрафников на корабли спускают по разнарядке. И название у штрафника на здешнем жаргоне говорящее – «мясо».

Нас купили восьмерых.

Молодые пилоты примерно одного призыва – Ано Неджел, Исти Сайл, Янислав Разик и Ален Ремьен – держались плотно. Старший сержант Келли, взрослый неразговорчивый мужик, ходил за мной с тряпкой.

Правда, я это не сразу заметил.

Еще один пилот – Хьюмо Рос, немногословный, как и Келли, но способный (я уловил это по случайным репликам) дать фору всем нам в плане квалификации, оставался особняком.

Восьмым был Джоб Холос по прозвищу Обезьяна – сваярист. Кряжистый, рукастый. Джоб не выпадал из любого разговора, но и не произносил по сути ничего.

Ну а кроме болтовни, мы пока мало что друг о друге знали. Некоторую истеричность я замечал у Ремьена, вот, пожалуй, и все.

Сержант Хокинс пытался донести до нас неведомые ему самому аккуратность и дисциплину. Мы играли ущербных. Потому что путь до Абэсверта, напомним, занял у нас восемь суток.

Пассажирские корты идут из северного конца освоенного рукава галактики в южный примерно два с половиной месяца, военные КК – две-три недели, нас гнали со скоростью четыре прокола в сутки. Восемь суток – тридцать два прокола.

Только Рос без особых потерь перенес этот темп. Остальные парни бродили – краше кладут в ящик для кремации. Вот и я с неделю также воспринимал новые порядки, как после терпел кусучих катрианских мух. На Катрин обитали какие-то особенно поганные мухи.

За эту неделю сержант решил, что я большой и безобидный. Но это были его проблемы.

Катрин – первая искусственно окультуренная планета Империи, можно сказать – проба пера. Не самая гостеприимная и не с самым подходящим климатом. Резкие перепады между жарой и холодом задал неудачный наклон орбиты. Но в первые годы колонизации, в отсутствие самой науки геоинжиниринга, рады были и тому, что получилось.

Заселение космоса начали экзотианцы. Когда пришли мы, здесь, на Юге, вообще-то, уже нечего было заселять.

Подходящие по массе и близости от своих солнц планеты имелись, но все они требовали доводки – коррекции орбиты, работы с атмосферой.

Все это умели экзотианские инженеры и не умели имперские. И Катрин – печальная иллюстрация несоответствия теории и практики.

Следующий проект мы делали уже силами экзотианских наемных техников. На его примере учили тех имперских специалистов, которые после успешно колонизировали Север. А Катрин до ума довести не срослось.

Население здесь – потомки семей первых инженеров и тех колонистов, у кого не хватило денег перебраться потом на Аннхелл, Мах-ми или Прат. Есть на Катрин и экзотианские поселения. Вот, пожалуй, и все, что я помнил из курса геоистории.

Да, я учил: Юг, в отличие от Севера – место, где существуют смешанные города, и даже города практически полностью экзотианские. Но я не понимал, почему здесь так?

Мы слишком разные с экзотианцами. Как мы должны уживаться, если мыслят и чувствуют они иначе, психические мутации дело среди них обычное, да и физические не особо пугают даже медиков? Как можно жить в одном городе с... Ну, ты понимаешь.

В нашей маленькой группе за старшего держали меня. И совсем не потому, что я хоть что-то делал лучше.

Люди только кажутся разумными поодиночке. Но поступают как муравьи или пчелы, бездумно повинаясь приказам. Мерис сказал – я буду старшим, и это прилипло ко мне. Вряд ли я был опытней Роса, практичнее Келли или хитрее Джоба.

Меня просто назначили крайним в том стаде, в которое сбились мои товарищи. В первое время мы были рядом, но не вместе.

Взяли нас на ЭМ-112z, эмку, она же – «завет».

Такие эмки скопированы с экзотианских «заветов», их основное достоинство – не загрязнять при старте и посадке грунт. Боевые качества – ниже средних. Экипаж – от двухсот до четырехсот бойцов (с учетом десантной группы). При полной огневой нагрузке эмка требует три пары пилотов. Четыре смены – всего двенадцать пар. Но на этой пилотов даже навскидку было гораздо больше. И все равно не хватало, раз капитан купил условников. Он купил бы и больше, да не досталось.

К пультам нас, однако, не подпускали. Под присмотром сержанта Хокинса мы выполняли обычную для палубных ра-

боту, а когда сели на Катрин, та же фигня пошла и на грунте.

Согнали вниз, не дав и пяти минут на адаптацию. Веле-ли очищать посадочную площадку от кустарника, развора-чивать сигнализацию и ставить сторожевые вышки из под-собного материала. Делали все вручную. Скорее всего, пото-му что Хокинсу так казалось слаще.

Потом уже, почти к закату, сержант приказал копать вы-гребную яму. Лопатами, словно у него не было ни одной фортификационной машины.

Бойцы и обслуга эмки уже разбрелись по койкам. Оста-лись мы и два молоденьких татуированных штрафника, за-мученных и безгласных.

Пилоты – элита любого корабля. Да, УСП не увольнение, но всему есть предел. Это я читал на лицах своих.

И не успел заткнуть Сайла, который сию крамольную мысль озвучил и получил не двое суток карцера, а удар в ли-цо.

Сержант был в доспехе: металлической сетке, по которой бежит импульс, порождающий индукцию домагнитного на-пряжения. Исти отбросило метров на пять, он ударился го-ловой об ящик, который на его счастье оказался пустым, а я успел схватить за плечо Неджела.

И сам почувствовал на предплечье ладонь Келли. То, что устроил нам всем генерал Мерис, было еще свежо в памяти не только у меня.

Яму докапывали в полной темноте – прожекторы оживля-

ли ночь, и сержанту казалось, что светло. Нам же так совсем не казалось. Небытие излечивало раны, как только луч покидал раскопки. Приходилось рыть то в слепящей темноте, то в ослепляющем свете.

На импровизированных вышках перекликались дежурные, и шагов я не слышал. Сообразил, что кто-то движется к нам от мигающей маячками тушки корабля, только когда ветер донес обрывок разговора.

– ...пилоты-то они пилоты, да шейден знает, сколько их придется переучивать. Вон тот, здоровенный, если бы не северянин, я бы сказал, что эрцогский выкидыш, – произнес один.

Другой ответил ему неразборчиво.

Голоса приближались.

– ...да брось, северяне и покрепче бывают, – кажется, это говорил капитан.

Двое остановились, потянуло дымком, и я понял, что не ошибся. В открытую позволял себе курить спайк только кэп. Второго голоса я не узнал.

– Но и морду тоже не скроешь. Шутит мать-природа, так считаешь? Или... не шутит? – «не» чужак выделил как-то особенно и невесело гоготнул.

– Чушь ты несешь, – буркнул капитан.

– Чушь или нет, пусть без меня решают. А я – доложу...

Капитан раздраженно сплюнул.

– Сволочь ты... – пробормотал он как-то уж больно без-

надежно.

– Это ты в случае чего будешь сволочь, – снова гоготнул чужой. – А у меня приказ висит о репарации и репатриации экзотианского населения и деактивации возможных очагов бунта. А исполнять будешь ты.

– Как... – запнулся вдруг капитан. – Ты чего? Куда мы их будем репатриировать? Каким транспортом?!

– А ты меньше ори, больше думай, – сказал чужак весомо и резко. – Убирай так, чтобы тебя не зацепило потом. Я слышал, вернувшаяся метла что-то совсем не туда метет... – Он помедлил, огляделся по сторонам, словно вспомнив, что и у нас есть уши. – Вот какого Хэда твои по ночам копают? Завтра за десантом пойдете, там и обосретесь! – чужак пнул опору сигнальной вышки. – Окопались тут, хеммет та мае! С удобствами срать привыкли!

Его шаги забухали, удаляясь.

– Хокинс, зараза! – рявкнул капитан. – Утром я, что ли, поднимать их буду?

Сержант заматерился и погнал нас в шлюз.

Я дождался, пока парни исчезнут в черноте проема, изобразив оступившегося. Хокинс выругался и подался ко мне.

– Еще раз ударишь кого-то из моих – задущу ночью, – тихо сказал я ему. – Если нравится – можешь бить меня, но бойцов мне не порти, понял ты?

Прожектор накрыл нас.

– Убыю гада, – просипел сержант.

– Только спиной потом не поворачивайся. Мертвый найдут.

Я скользнул в проход, где нас тут же окликнули двое дежурных. Пожаловаться на меня сержанту будет влом, но дерзости он не простит...

Но ведь что-то я должен был сделать?

Хотелось упасть в койку и закрыть глаза, но я начал вникать Исти, кто он здесь и что собой представляет. Сайл молчал. Кажется, он задремал под мое рычание. Молчал и Келли. Нас запихали по четверо в обычные двухместные каюты. Кровати – одна над другой. Подо мной возмущенно сопел Неджел.

Я выругался от усталости и бессилия вложить настоящий смысл в придуманные слова. Сайл вздрогнул и проснулся. А Келли сказал вдруг:

– Вы бы это завтра... Потихе бы, что ли, а?

– Ты о чем? – нахмурился я.

– Капитану сказал... этот, у ямы. После десанта. Зачистка, значит.

– Ну и что? – не выдержал тягомотины Неджел. Келли говорил скомканно, да еще и с приличным акцентом. Он вырос на отдаленной колонии, где сохранились языковые общины.

– Зачистка – это... когда гражданских, – отозвался Келли чуть слышно. По коридору протопал дежурный.

Неджел выругался шепотом.

– Надо это... остальным сказать, – закончил Келли, отво-

рачиваясь к стене. — Чтобы это... завтра.

Осмыслить сказанное я не сумел. Минуты две честно сидел, уставившись в темноту со слабо различимыми перегородками кроватей и горящей у входа тревожной кнопкой. Дверь была заблокирована с пульта дежурного, но здесь не карцер и разблокировку можно провести удачным пинком.

Я не буду бояться, я прав. Пусть Хокинс меня боится. А завтрашние проблемы как-нибудь доживут до завтра.

Утро началось за два часа до восхода.

Кормить никто не собирался. Но транквилизатор вкололи — один и тот же всем без разбора.

Я вспомнил список разрешенных стимуляторов, где рукой Дюпа напротив моего имени было дописано — M52. И обведено в кружок. Да я и сам подозревал, что не на всех эта дрянь одинаково действует, тем более если брать привыкшие к экстремальным нагрузкам мозги пилотов.

Оглядываясь на своих, я ловил и затуманенный взор Исти, и совершенно трезвый — Роса, и лихорадочный блеск в глазах Разика. А ведь транквилизатор может и возбуждать!

Наша эмка, вместе с похожей по тоннажу посудиною, шла следом за спецоновским десантом. Рядом шныряли шлюпки. Полутяжелых, десантных, было мало — в основном двойки, легкие полицейские катера и даже гражданские водородные, переваренные под боевые задачи. Теперь я понял наконец, почему на ЭМ-112 столько пилотов.

На Севере я всего один раз принимал участие в боевой

операции, где основной ударной силой были модули, отстреливаемые от КК, так называемые двойки – юркие посудины, способные какое-то время поддерживать автономный огневой режим. Такие модули здесь, как я понял, снимали со старых кораблей, чинили списанные. У нас на эмке левых двоек набралось восемь штук, да еще три стояли на своих родных местах, в огневых карманах корабля.

Если выдрать из двойки реанимационный блок, там вполне можно оборудовать два сидячих места. Так здесь и делали. И десантников подсаживали к пилотам.

Получалась забавная ударная единица. Невозможная на Севере, потому что там не воюют на грунте. Планеты – слишком большая ценность, чтобы подвергать их риску возможного радиационного загрязнения. Ведь сердце безобидной маленькой двойки – реактор антивещества. Иначе, отделившись от корабля, она не простреляет и десяти секунд.

Имелись у нас на эмке и две большие десантные шлюпки – старые, похожие на жестяные банки: вся изоляция внутри была тщательно вырвана. Туда и загнали десантников. Ну и нас вместе с ними. Шлюпка гудела и вибрировала так, что поговорить с Аленом и Яниславом я не сумел. На Роса и Обезьяну надежды было больше в плане спонтанных реакций. А двух молодых бандаков следовало предупредить, чтобы держали себя в руках. Тем более, глаза у Разика продолжали блестеть, и гримаса застыла на лице не самая подходящая.

Раньше я только читал про зачистки. Мне казалось, что

так называют работу спецона по подавлению остаточного сопротивления противника после светочастотного удара с воздуха. Но на практике этот материал не разбирался. Только из курса военной истории я знал, что подобная техника ведения боя применялась в войне с хаттами. После обстрела с воздуха их вытаскивали из нор и добивали. Но мы-то что будем делать? Трупы закапывать? Так следом пойдет похоронная команда. Разбивать район на секторы и контролировать до прибытия полиции?

Я вообще плохо понимал происходящее. Наша эмка, кажется, не относилась к силам спецона, но подчинялась ему. Возможно, она являлась частью планетарной армии? На Севере такого не было, но... Да кому нужна армия на планете? За порядком следят полисы, нештатные проблемы решаются силами спецона... И всё-таки мы, похоже, не являлись ни спецоном, ни полицией. Вот такое головидео...

От транквилизатора плыло перед глазами, звенело в ушах, а между горлом и сердцем кровь потихонечку превращалась в стекло. Если бы не это, я сорвался бы уже от увиденного. Хотя видели мы мало, очень мало. Но мозг достраивал. Я сидел так, что частично различал показания на панели первого пилота. Ну и через армпластик в лобовой части шлюпки был кое-какой обзор.

Я видел, как остывал под нами раскаленный город. Скорее всего, впереди шла группа тяжелых шлюпок и лупила по зданиям. Более легкие шлюпки зависали, ожидая, пока уце-

левшие горожане начнут стрелять из подвалов. Они подавляли остаточные очаги сопротивления. Потом спецон сбрасывал десант, проводивший черновую разведку захваченного района. Остатки мирного населения десантники сгоняли в наскоро сооруженные электромагнитные клетки. И уходили дальше.

Спецоновцы распоряжались в городе, словно у себя дома. Некоторые были в штатском или в такой форме, по которой вообще невозможно было судить о чинах и званиях. Один, в форменных штанах и черной гражданской рубашке, замахал нам руками, приказывая садиться. И тут же пилот получил аналогичный приказ – на пульте вспыхнул сигнал переговорника.

Мы просели вниз (ползли на брюхе на символической высоте) и опустились перед машущим. На бывшую городскую площадь. Справа дышали жаром развалины, слева спецоновцы гнали куда-то толпу гражданских. Видимо, экзотианцев, но я не уловил различий. Как не находил каких-то особенных черт и у раненых, сваленных прямо на землю возле огороженной проводами площадки, где толпились в основном мужчины, но я разглядел и женщин, и даже девчонку с младенцем на руках. Обычную девчонку лет семнадцати с грязными от слез щеками.

Наверное, замер не один я.

– Выгружаемся, скотское мясо! – заорал какой-то сержант.

Его голос вернул меня в духоту десантной шлюпки. Я постарался протиснуться к Алёну, чей затылок маячил чуть впереди. Мы смешались с десантниками ЭМ-112. Средняя десантная рассчитана на пятьдесят бойцов, а набить можно и больше. И пока Хокинс скакал, выискивая подопечных, я успел донести до Ремьена, чтобы не высовывался ни при каком раскладе. Что бы ни случилось – стоять-молчать и не рыпаться.

Вторая десантная с нашей эмки легла метров на триста западнее, сама сто двенадцатая тоже возвышалась рядом. Спецновец в черной рубашке направился к капитану, снова курившему спайк в молчаливом окружении замполича и полудюжины старших сержантов. Говорят, спайк – наркотик довольно слабый, однако в комбинации с алкоголем мало не покажется.

Двигался спецновец с нарочитой расхлябанностью, но неуловимо отточенно и четко, словно кукловод, изображающий марионетку.

– Ваша задача, – сказал он кэпу, – очистить возможные подвалы от гражданских. По огневым точкам прошелся спецон, эксцессов быть не должно. Раненых – добивать, медтранспорта не будет. Если встретите серьезные очаги сопротивления, стучитесь к тридцать второму борту или лично ко мне. Живых... – он огляделся и кивком приказал капитану отойти с ним. Я больше не слышал, о чем они говорили, но лицо у кэпа вдруг стало серым.

Спецоновец кивнул ему на прощание, махнул рукой, и над ним тут же зависла двойка, усиленная хемопластиковой броней. Видно, ему нравилось вот так махать.

Капитан велел сержантам отобрать два десятка бойцов, кого не жалко. (Он так и сказал – кого не жалко.) Остальных отправил осматривать захваченную территорию.

Неудачливых десантников с эмки, нас и штрафников выстроили в шеренгу. Сержант из хозяйственной бригады принес охапку коротких лопат с клиновидным лезвием. Положил перед строем. Капитан скользнул глазами по лицам тех, кому предстояло исполнять приказ кукловода, сплюнул, раздавил сигарету и зашагал к лежащему на пузе кораблю. – Вы что, недоделанные, приказа не слышали! – взревел Хокинс. – Лопаты взяли! Чтобы через час свалили всё в одну кучу!

Всё – это он имел в виду раненых, лежащих у электромагнитной клетки. Их было много, сотни две, может, больше. Рискнувшие отстреливаться. Обожженные, страшные, пахнущие словно... Я сглотнул. Человеческое мясо пахнет, как и любое другое. И тошнота подкатывает только сначала, потом – лишь когда смотришь не глазами, а сердцем.

– Шевелись, я сказал!

Неровная шеренга замерла как замороженная.

– Разбираем лопаты, сонная зараза! Не справитесь через час – останетесь без жратвы!

Ну да, если кто-то сможет после этого есть.

Первым вытащил лопату какой-то десантник. Ему еще

здесь служить, он не хотел в нашу теплую штрафную компанию. За ним по инерции потянулись было другие бойцы.

Желая воодушевить нас личным примером, Хокинс подскочил к какому-то обугленному парню без рук, оттянул за волосы голову с живыми, полными боли глазами, и ловко тяпнул.

– Вот так, и в кучу этих свиней!

Обезглавленное тело плюнуло кровью. Молодой штрафник, присланный немногим раньше нас, согнулся пополам в рвотном позыве. Ему, как и мне, не доводилось не то что вот так убивать – даже видеть.

Меня не вырвало. Только мир превратился вдруг в колодец, где мутным пятном едва маячил впереди свет.

– Сам ты свинья! – вдруг громко сказал Разик. Голос у него был пронзительный и звонкий. Он вышиб меня из померачения. – Тебе надо – ты и добивай! – пилот отшвырнул лопату и выругался.

И я ощутил, как по спине побежал пот.

Передо мной корчились едва живые люди, но прозвучавшее было страшнее.

Это было то, что в армии называют неповиновение приказу. Для штрафника тут десять из десяти – виселица.

Сержант Хокинс посветлел лицом. Он обрел смысл жизни.

Мышцы мои жгло нереализованное движение. Тело не знало, куда деть выплеснувшийся адреналин. Нет, я не сме-

лый, просто не способен был в тот момент думать.

– Сержант, – я поймал взгляд поросячьих глазок. – У парня шок. Он не понимает, что говорит.

– Это я не понимаю? – выкрикнул Разик. – Это вы не понимаете, что творите! Вы же убийцы! Это же не строится на крови! Никто не будет за вас воевать, ты!..

– Разик, прекрати, – сказал я.

И Рос, стоящий рядом с Яниславом, меня услышал: коротко ударил мальчишку по шее, подхватывая обмякающее тело.

– Ах вы, психи недобитые, – радостно сказал сержант.

Я читал на его лице, что он не со зла. И даже, в общем-то, не садистское удовольствие получает. Иное. Он все время ждал от нас неповиновения. И теперь счастлив, что прогнозы сбылись. И можно восстановить справедливое в его понимании отношение к таким, как я.

– Ты сказал, будешь отвечать за своих? Ты мне ответишь, зараза...

По команде сержанта мне захлестнули веревкой руки и дернули вверх, перекинув конец через перекладину какой-то культурной конструкции – заготовки под сцену, наверное.

Как тут у них просто... А ведь на руке у меня уже не мягкий обхват спецбраслета, а полоса магнитного наручника. И свой удар током я получу любым манером, вплоть до голосовой команды. Но Хокинс приказывает меня пороть, потому что так в его голове отрегулировано понятие об исполне-

нии долга. И это не конец, к сожалению, за неповиновение могут и повесить. Хотя не очень понятно, как сержант сможет потом заставить остальных делать то, что делать они не в состоянии.

Точно повесит. Отпишется потом. Только бы не всех.

– ...капитан требует!

Это было первое, что я услышал.

– Да он не встанет, – отозвался Хокинс.

Его голос я узнал бы с любой стороны бытия. Плёночка оказалась не самой тонкой, но я ее порвал. Наверно, зашевелился, потому что кто-то приказал:

– Воды!

Потекло за шиворот. Меня попытались поднять, брезгуя грязью и кровью. Потом подхватили знакомые узловатые пальцы. Обезьяна.

Я оперся на него обожженным, но пока еще не разрывающимся от боли плечом и увидел небо. Оно было пронзительно ясным, но с севера от самой кромки горизонта спешили белые кучевые облака.

– Яйца тебе надоели?! – раздался голос капитана.

Значит, он все-таки подошел сам.

– Так... открытое неповиновение приказу, господин капитан! – с легкой заминкой доложил Хокинс.

Справа загудело, и я увидел снижающуюся двойку. Следом шли две гражданские водородные. У одной, похоже, бахлали рулевая тяга – шлюпка рыскала и содрогалась боль-

ше обычного. Хотя водородные – и так трясет, потому их и называют иногда дрожалками.

Две шлюпки опустили на грунт рядом с нами и стали биться с третьей.

Я поднял руку к саднящей губе. Кровь, смешанная с водой, закапала с локтя.

– Отозвали приказ полчаса назад, – сказал капитан, разглядывая меня сузившимися от гнева глазами. – Понял ты, бревно? – он обернулся к Хокинсу. – Через неделю нас переводят на Аннхелл!

– Каа... – открыл рот Хокинс.

– Вот так! Приказано заложников из гражданских не брать, зачищать – только силами спецона, – он достал сигарету, раздавил в пальцах... – Убирай своих! А пилотов – оставь. Ну что ты стоишь, как больная триппером корова! Хокинс подхватился и погнал десантников в эмку. «Полчаса, – подумал я. – Успел бы сержант повесить Разика за полчаса?»

– Показывайте, кто тут летать умеет, – поморщился капитан, словно от боли. – Иначе все в карцер пойдете.

Напугал кобеля блинами.

Хотя он явно имел в виду незнакомые нам водородные шлюпки. Особенно ту, что едва посадили его пилоты.

Пока я пытался оглянуться, чтобы увидеть своих, Рос уже пинал больную водородную. У нее заклинило технический люк, куда Хьюмо втиснулся было, вылез, подозвал Келли...

Минуты две они копались вместе, потом Рос сел в кресло первого пилота, кинул дрожалку свечкой, вошел в спираль Шলেখера, следом в вертикальный разворот и плюхнул шлюпку перед капитаном. На брюхо. Стоящий рядом сержант вздрогнул. Он мог бы дотянуться до округлого бронированного бока.

– На ручник поставил? Ну-ну, – понимающе усмехнулся капитан. И добавил: – Меня не интересует, когда вы сдавали предполетные и квалификацию. Но, если за неделю доведете до ума два этих корыта, будете летать. Поняли, отморозки?

И оглянулся на пышущего усердием Хокинса, который успел уже отвести бойцов на эмку и стоял сбоку, виляя хвостом.

Капитан наклонился к нему, сказал что-то на ухо. Я уловил только последнее слово:

– ...убью!

Хокинс верноподданно закивал. Но глаза у него были стылые и гадкие.

Эта история не избавила нас от любви сержанта Хокинса. Не такой у него был нрав. Не уцелел и Разик. Год спустя его сожрали на наших глазах политически подкованные мародеры-конфедераты с Мах-ми. Сварили и съели, если ты не понял. Видно, сколько человека ни спасай, судьба все равно будет ходить за ним с топором.

История восьмая

Дырка во лбу

Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.

Абэсверт, Аннхелл

– Ты не понимаешь! – орал Мерис. – Они соглашались отпустить детей и женщин ТОЛЬКО в обмен на командующего! И он ПРИКАЗАЛ обменять! Что я мог сделать с твоим сумасшедшим «Дьюпом»?! Что, я тебя спрашиваю?! Сам пристрелить?! От меня ты чего хочешь?!

Я начал тереть руками виски. Голова не болела, просто так лучше думалось.

Террористы вместе с заложниками засели в заброшенных коммуникациях под самым центром столицы. Значит, сверху их не взять – там Дом правительства, парламент и центральные кварталы.

Да и неизвестно, где точно спрячутся эти гады.

Коммуникации такого рода, как ты понимаешь, не используют уже лет пятьсот. Никто сейчас не разбрасывается водой. Каждое здание очищает всю использованную воду, а обезвоженные отходы деятельности людей вывозятся на поля.

Но когда-то люди рыли под городом разветвленные туннели, по которым текла вода, смешанная с нечистотами. Вот

там и укрылись террористы.

С подобным терроризмом я еще не сталкивался. Молодая часть политической элиты захватила в заложники, по сути, своих матерей, отцов, коллег. Для меня это было сущей дичью, но я понимал, откуда ветер дует. Рядом – миры Экзотики: такие свободные и притягательные, такие сексуально и философски раскрепощенные. Стоило побывать там один раз, и аура этих миров начинала буквально разъедать мозги.

Ну вот, посуди сам – мы уже третий год воюем с экзотианцами. При всем при этом и ругаемся, как они, и секты последователей экзотианских религий растут, словно грибы после ядерного дождя. В высшем свете все их же мода, их словечки, их ценности.

Экзотианцами трудно не восхищаться. Культура большинства миров Экзотики старше нашей, и психология влита в нее так плотно, что мы, убогие, не понимаем, где кончается их личное обаяние и начинается внушение и программирование. Они нас буквально заражают. Особенно тех, кто помоложе.

Я и сам был зачарован Орисом, его необычной аурой, перемешиванием культур и смыслов. Но я – солдат, у меня была определенная психологическая подготовка, а дети элиты – меньше чем просто дети. Видели все, ничего толком не знают. И ни к чему не готовы, тем более – к борьбе со своими «хочу». Что их должно привлекать, если не Экзотика?

Аннхелл на расстоянии всего четырехсот тысяч световых

единиц от сверкающего пояса солнц Абэсверта. По сути, он даже входит в этот пояс. Но принадлежит нам. Так вышло. И это многим не нравится здесь, наверное.

Кто знает, может, местная элита вообще мечтает перевести планету под протекторат Экзотики, а весь этот «тер-акт» – спектакль, в котором пострадать могут только несведущие и невинные? Те же женщины и дети.

Дьюп, видимо, поступил единственно возможным способом. Его сейчас нужно просто выручать.

Я поглядел на Мериса.

Тот, видя, что говорить со мной уже можно, растянул пленку интерактивного экрана на полстены и вызвал план коммуникаций.

– План очень старый, – предупредил он. – Но я наложил на него то, что удалось разглядеть с орбиты. Правда, разглядели мы не много – туннели идут на разных уровнях и почти все полужасыпаны.

Да, хреновый план. Слава беспамятным богам, у меня есть Лес, который вырос в местных трущобах. Я – байерк рогатый, если он не лазил под городом.

– Сверху мы взять их не сможем, – озвучил Мерис то, что и без него было ясно. – Большинство стоков завалены или завалятся вместе с вами. Пройти можно, да и то не наверняка, самым старым водоводом. Предки строили на совесть. Ищи, думай. Договариваться с террористами бесполезно.

– Чего хотят-то? – спросил я без особого интереса, потому

что все и так было ясно.

– Корабль и политическое убежище на Экзотике, что же еще?

– Мы хоть просили?

– В Совете Домов даже обсуждать не стали, у них своих шизоидов хватает. Да и шаткое перемирие последних недель нам дороже, чем вся золотая молодежь Аннхелла. Я бы этих щенков лично перестрелял год назад, если бы знал, к чему идет.

Год назад генерал Мерис собрал, наконец, под свою руку всех, кого завербовал в северном крыле армады.

– Дайяр та хэба, – выругался я от недостатка слов и мыслей. Это было даже не ругательство. Дайяр – хаттская планета, выжженная постоянными войнами, изрезанная укреплениями и туннелями, но так и не покоренная, пока были живы защитники. Фраза переводилась «чтоб тебе было, как под Дайяром». – Вы что, не могли переодеть кого-нибудь в генеральский мундир?

– Ты думаешь, его рожу трудно запомнить? Одно кольцо во лбу чего стоит.

– Так и обрили бы кого-нибудь! И кольцо вставили!

– А время? Да и сам он... Ты проход ищи. Как-то же эти крысы туда залезли? Вход должен быть. Причем достаточно удобный вход! – Мерис стукнул стиснутыми в замок пальцами по интерактивной столешнице, и по ней побежали разводы. – Нет у них какой-то особой подготовки, чтобы Хэд зна-

ет где лазить!

– Ты мне голо сегодня покажешь или как?

Генерал с каким-то непонятным мне сожалением покачал головой, словно бы ему не хотелось, чтобы я знал, кого и зачем буду убивать, достал из сейфа голографии заложников и террористов.

– На, любуйся! Вот тебе премьер, чей отпрыск все это устроил. Посмотри, какой из него лазатель? Вот он, кстати, сын его, выродок Хэдов. А вот мэрский отпрыск, тот, что во весь рост. Тонкорукое-тонконогое... Как они туда залезли? Как?

Голографий террористов было всего шесть штук.

Все ребята молодые, узкоплечие, вялолицые. Тонкие запястья говорили об искусственном истончении костей. Развлечения, скука, кэш (азартная игра на деньги), легкие наркотики.

Видно, полагают, что «тонкая кость» и томный взгляд делают из них экзотианцев?

Придурки, эпитэ а матэ. Внешняя изнеженность экзотов – очень обманчивая штука. Вон Лес у меня мелкий и тощий, а отжимается по шестьсот раз за подход, причем раньше его вообще ничему не учили.

– Всего шесть? А передавали, что террористов около полусотни? – спросил я, забирая голо себе.

Мерис поморщился. Точно не хочет, чтобы я сильно вникал.

– Остальных уточняем. Эти заявили ультиматум и выходили на видео. Технически у них все налажено. Придется вам не пользоваться под городом связью. – Мерис смотрел на карту. – Где же этот проклятый вход?

– Один вход нас все равно не спасет. Толку-то от него. Или вообще заминирован. Ты не дрожи, мы хоть по трубам, но пролезем, – сказал я, вставая. – Но если что – я камня на камне там не оставлю, ты меня знаешь. Никаких живых террористов никому не обещаю.

– А ну, стоять! Сбрендил? Что я министру скажу? – возмутился Мерис, но как-то недостаточно активно.

– Соври что-нибудь. Можешь потом расстрелять меня показательно, чтобы другим неповадно было.

– Будто у меня есть эти другие...

– Ну скажи, что я там тронулся. Все, пошел я. Работать надо. Возьму человек двадцать...

– А если террористов и вправду полсотни? – вот тут генерал действительно напрягся.

– Нам бы только добраться. Там мне и троих хватит. Разве ж твои террористы настоящие?

Эпитэ а матэ. Как на экзамене «Война и коммуникации в городе», дубль два. Я был зол на всех – на Дюпа, на Мериса...

Мерис спал и видел, чтобы я сделал то, чего он мне не приказывал. А Колин... А что Колин? Вывел из игры самых слабых. Причем если никакого захвата заложников нет, а есть

заговор, то теперь, даже получив корабль, террористы оставят своих женщин и детей на Аннхелле. Ох и злы они, наконец, на Дьюпа...

С Дьюпом мы не виделись со времени нашего расставания на «Аисте». И...

В общем, меня это устраивало. Мерис втихую затыкал моими ребятами дыры, а я... Я знал, что у Колина все более-менее в порядке, и мне этого хватало. Не хотел я его видеть. Боялся, наверно. А может, все-таки был немного обижен. Но я не старался понять себя. Во мне установилось в это время какое-то шаткое равновесие.

Мерис тоже зачем-то держал нашу карту в рукаве. Правда, подчиненный ему попался на редкость беспокойный. Мы с ним часто спорили, я имел дерзость обсуждать приказы. Но он сам виноват. Это он выбрал меня, а не я его.

Не буду рассказывать, как прошли полтора года со дня моего появления на границах Абэсверта. Тебе этого лучше не знать.

Изменился я мало, разве что шрамов прибавилось.

Не хотелось и теперь показываться на глаза Дьюпу. Но мы с Мерисом друг другу вроде бы не врали. Орал он на меня частенько, я ему дерзил. Но он не врал мне, а я – ему. Похоже – выбора у него не было, только вызвать меня.

Проплыть или пройти пять-шесть километров по древней канализации могли бы и его спецоповцы. Почему же я? Чтобы вырезать этих горе-революционеров под корень? Иначе

их большая часть снова окажется у власти, и неизвестно, что будет тогда?

Но Мерис не мог отдать такого приказа напрямую. А самоуправством славился только я. На меня можно будет списать многое...

План коммуникаций нужно показать Лесу, он тут точно все на пузе облазил. Да и интуиция у пацана богатая.

Все-таки экзотианцы гораздо больше отличаются от наших, имперских, хоть с какой стороны подойди. Мы подобрали Леса на Аннхелле полгода назад, едва живого. Парнишка, судя по всему, был родом с Граны. То есть с той стороны границы. У нас он этакий «сын полка». Натуральная трущобная крыска, в общем-то. Но не наша крыска. Я чем больше приглядывался к нему, тем больше замечал разницу. Как в детской игре – найдите шесть отличий...

Возьму Джоба-Обезьяну, Келли и его старичков. И Леса. Позвал дежурного, велел – Леса ко мне.

Пацана привели заспанного. Опять, значит, бродил где-то ночью. И это после того, как практически перед отбоем меня вызвал Мерис и велел срочно высадиться на Аннхелл. До того мы развлекались на соседнем астероиде, вроде почти отдыхали даже. Мальчишке на астероиде понравилось, но почти родной Аннхелл, видно, позвал поздороваться.

Совсем на ногах не стоит. Точно: полночи мы перебирались, остальное – он бродил. Ну все, сегодня же проверю: не найду ночью на спальном месте – сам всыплю. Я щенка пре-

дупреждал. Нашел, когда шлаться по ночам! Нам что теперь, систему свой – чужой перепрограммировать? Нет уж, брат, своим не доверять – дело последнее.

Лесу на вид лет пятнадцать, но на самом деле уже около семнадцати. Люди на Гране мелкие, щуплые. Этот – везде пролезет. Бить жалко, но, видно, придется.

Я развернул перед мордашкой Леса пленку экрана с картой коммуникаций.

– Ну-ка посмотри, соня, что это за место? Район определишь?

– Под Гадюшником это, – с ходу, почти не вглядываясь, сказал Лес, выковыривая что-то грязными пальцами из уголка глаза.

Я поймал его за руку и, аккуратно зафиксировав запястье, достал другой рукой антибактериальные салфетки.

– На!

Он удивился. Как всегда в подобных случаях, искренне.

Да... В семнадцать лет приучать парня мыть руки поздно. Но ведь сдохнет же от аспалы или летучего огня. Да и лихорадка не всякая лечится.

– Лес, я тебя выпорю, – сказал я ему честно.

Он вздрогнул. Увлёкся распечатыванием салфеток. Яркий пакетик. Забыл про начальство временно. И тут я влез, понимаешь.

Глянул искоса. Лицо у меня было серьезное. Задумался. Грехи, наверно, перебирает. Пожал плечами.

– Да за... что?! – взгляд ясный-ясный.

– Ты где ночью был?

– А... тут и был, – Лес кивнул на карту. – Под Гадюшником. Почти что.

Гадюшник на его сленге – городской центр.

– Ну и?..

– В одно место хорошее всунуться хотел, но там размыло. Не залезть, роста мало. Твой бы покати.

Открыл-таки салфетки. Вытащил одну.

– И что ты там искал?

Лес замялся, сделал вид, что изучает салфетки. Что опять за пацанячьи секреты?

– Лес! – сказал я строго.

Покосился на меня. Хотел нагрубить, но передумал. Он меня опасался. Умеренно. Один раз у нас почти дошло до рукоприкладства. Я обещал ему рот зашить, если не перестанет ругаться через слово. И все, в общем-то, для этого приготовил в медотсеке.

О чем же он думает? Лес – парень открытый и болтливый. Значит, только наркота. Лечили мы его, лечили...

– «Кошки» там, что ли, собираются?

Замялся опять. Ну, точно.

– Курят или нюхают?

– Но я же не нашел! Чё сразу бить-то! – взорвался Лес. Он решил, что я его для этого и вызвал.

Ну что ж, осознание в пятой точке у парня возникло, и это

уже радость. Правда, заслуга исключительно сержанта Келли, сам я не смог. Ну не поднимается на такую мелочь рука.

– Ладно, – сказал я ему. – Даю тебе шанс реабилитироваться. Показывай по карте, где не залез. Если нам это пригодится – прощу.

Зря я так сказал. Лучше бы сразу объяснить мальчишке, что мне в его поведении не нравится. И предупредить, что накажу, если опять будет по ночам шлаться.

Лес не понял сути моих размышлений, но лицо у меня было недовольное, и он начал лихорадочно соображать, чем задобрить начальство. Уткнулся в карту.

– Где же тут собираться? – спросил я. – Чтобы покурить спокойно, нужно большое сухое место, а тут...

– Тут большие пещеры есть, – неожиданно выдал Лес.

– Где? – вскинулся я. Никаких больших свободных полостей на карте не просматривалось.

– Вот, – Лес ткнул грязным пальцем в затопленный, судя по цвету, участок.

Одну руку он честно помусолил салфеткой, другая по контрасту стала выглядеть еще грязнее.

– Тут вода, – сказал я, забирая у пацана салфетки. Вытащил сразу две и стал его оттирать. Лес не сопротивлялся, но смотрел с недоумением, к салфеткам он уже потерял интерес. – Не вода, – возразил он уверенно. – Там внизу воды вообще мало. И потолок такой штукой блестящей обит. Изолятом. Сам видел.

Вот так так. Экранирует, значит. А мы-то головы ломаем, где они в этом дерьме сидят, да еще и с заложниками. Ай да Лес!

Я улыбнулся.

Лес тоже заулыбался.

– Замирили, да?

Я с сомнением качнул головой:

– Раз ты там был, подходы знаешь? Сколько их?

Пацан задумался.

– Одним сам ходил. Про два – по ушам ходили...

Он замялся.

– Что опять?

– Байку одну слышал. Будто в пещеры ход есть прямо из центра Гадюшника. Из этого, Дворца правосудия, что ли.

Все срасталось и становилось просто и красиво. Даже если главный ход заминирован, нам же проще – террористам и бежать будет некуда.

– Прощаешь? – Лес с сомнением разглядывал меня. Волновало его сейчас, похоже, только это.

– Прощаю, – сказал я с облегчением. – Но до первой ночной отлучки. По любому поводу. Поймаю – пеняй на себя.

– Что значит «пинай на себя»? – нахмурился пацан.

– Пеняй. То есть сам виноват будешь. Я же тебя предупредил.

– А...

И все – глаза горят, никаких забот на лице. Мне бы так.

Я взял шестерых старичков во главе с Келли, Обезьяну, Леса. За Леса я не боялся, при стрельбе он сразу забивается в самый дальний угол и сидит тихо-тихо. Задумался: может, хватит? Потом решил подстраховаться и послать еще десяток ребят по другому ходу, намеченному нашим малолетним консультантом. Все-таки заложников набиралось приличное стадце, и стадце это надо будет выводить.

Прошли мы довольно легко. И даже сошлись обе группы почти одновременно, потому что время, благодаря Лесу, смогли рассчитать довольно точно. Когда расстояние позволило, личные маячки бойцов высветились у меня на браслете. Есть такие вшитые маячки у спецоповцев. Используют их в основном для опознания трупов – сигнал слабый. Но в данном случае – пригодилось.

К пещере, где сидели террористы, группы вышли с разных сторон. С нашей – даже отверстия почти не наблюдалось, так, несколько дырок с кулак. Но обзор неплохой. А проход расширим в секунды – стена едва живая.

Я пересчитал заложников. Дюпа не увидел. Остальные были в наличии. И премьер-министр, чей сынок, как я понял, заварил всю эту кашу, и министр финансов, вечно измятый и смешной, прямо как на голо новостных лент. Были эти высокопоставленные заложники потрепанными и невеселыми. Но мне не хотелось сейчас над ними смеяться. Во что бы они ни играли, кончится это плохо. При любом раскладе. Даже если я сейчас кану в небытие вместе со своими

бойцами.

Заложников, как и сообщали дэпы, было двадцать два человека, а «террористов» я насчитал двадцать девять. Вооружены с виду достойно. Но только с виду. Светочастотные гэты – оружие тяжелое и неудобное. Такое больше годится для полицейских заслонов и сдерживания скученных человеческих масс. В наших условиях гэту надо еще правильно выставить оба фокусных расстояния. А потом ухитриться не поджарить в тесноте своих.

Украшало террористов и непривычное мне огнестрельное оружие, забытое уже на многих планетах, эффектное внешне и опять же тяжелое. С их умелыми руками надо бы носить что-нибудь полегче. Иначе даже поднять и прицелиться – история засчитает за подвиг.

Мои бойцы были вооружены проще. В основном импульсниками, как их называют, хотя в этом оружии два режима – домагнитный и электромагнитный. А защищены мы были сильно облегченными, импульсными же доспехами. Такой вроде бы парадокс. Но вооруженный спецновец и вооруженный штатский – это вообще две большие разницы. Тем более если спецновец – бывший пилот-стрелок.

До Мериса никто раньше не додумывался делать из пилотов спецон. Тут, к его чести, он изобрел что-то новое, возможно, его даже наградят когда-нибудь. Надеюсь, посмертно.

Дело в том, что в космосе, в принципе, стреляют иначе,

чем в наземных войсках. Особенно по движущимся целям. Потому и оружие в локальных операциях я использую в основном импульсное или сенсорное, чтобы это преимущество в стрельбе стало очевидным. Например, у девяноста восьми моих ребят из ста хватает скорости отключать на момент выстрела доспехи. Из-за этих доспехов полисы и не используют импульсное оружие. Наводка возникает. Но мои бойцы успевают выключить доспехи, выстрелить и включить. И на все про все от четырех до шести десятых секунды, не больше.

Были у нас в запасе и другие простые вещи. Слишком простые, чтобы эти начинающие террористы могли к ним подготовиться.

Я искал глазами Колина. Наконец нашел.

Если другие заложники жались в углу под присмотром двух слишком умытых и тонкоруких охранников в новеньких импульсных доспехах, вооруженных гэттами, из которых в этой диспозиции они могли стрелять исключительно друг в друга, то Дьюп лежал лицом вверх прямо между сидящими за импровизированным столом – куском пластика на искрошенном кирпичном полу. Во лбу командующего красовалась аккуратная круглая дырка, правый глаз и нижнюю часть лица залила кровь.

Я включил связь (в такой близости террористам не отличить наши сигналы от собственных), вызвал Мериса и прошептал: – Передай министру, что никто из террористов не уцелел. Оказали бешеное сопротивление и все такое.

Я не ощутил утраты или потрясения. Я вообще ничего не ощутил. Все давно отболело и умерло. Еще тогда, когда мы расстались с Дьюпом.

– Стой, не пори горячку, – зашипел в наушнике Мерис. Он не слышал криков или стрельбы и правильно оценил ситуацию. – Ты пульс-то щупал? Он ведь живучий.

– Какой там пульс. Дырка в голове.

Слова звучали так, будто с Мерисом говорил не я, а кто-то другой.

– Кровь течет? – уточнил генерал.

– Хэд ее знает, вроде нет. Отсюда плохо видно.

– А сына премьера среди террористов видел?

– Узкомордый такой, со сросшимися бровями? Видел.

– Если сможешь, хоть этого оставь.

– На развод, что ли? – без тени улыбки пошутил я. – Не могу. Я бы и заложников тут положил, да голову твою жалко.

– Ладно, – сдался Мерис, – придумаю что-нибудь. Когда начну тебя вызывать – не отвечай. И уходи быстро. С этого момента у тебя на все про все – полчаса.

И я понял, что он уже придумал. Давно придумал.

Подав парням сигнал переключить оружие на импульсный режим, а все остальное пока убрать. Чтобы было потише и без осколков, когда начнем освобождать заложников.

Импульсом не со всякого расстояния убьешь сразу. Но развлечений от него перед смертью достаточно. И пытаться не придется. А заденет заложников – то и поделом. Воспиты-

вать лучше надо было своих отпрысков. Если же это все-таки заговор старших с младшими, то старшим полезно посмотреть, как дети могут умирать долго.

Конечно, наши милые, умные террористы защищены от современного светочастотного оружия импульсными доспехами. Они просто еще не знают, что бывает, когда импульсный заряд сталкивается с импульсным доспехом. Они еще не жарились в доспехах заживо. Потому что импульсное оружие – это не модно. Какой дурак полезет к ним с таким? Вот я и полез. Я вообще люблю импульсники за непредсказуемость. Поставленные на полную мощность, они жарят человека как надо, а вот если мощность уменьшить, угадать результат труднее – одного выбросит из одежды, другой получит ожог, третий...

Сейчас, ребята, мы позабавимся. Первым делом у вас вылетит связь, а вторым – вылетите вы сами. Разве что кто-нибудь успеет сдаться. К несчастью, у моих бойцов – отличная реакция.

Нет, ты не думай, я делал так не потому, что не мог себя контролировать. Я просто был мертв. Уже очень давно – мертв.

Оставшихся в живых террористов выстроили вдоль стены. Одиннадцать молодых парней – сытых, избалованных, с хорошими прическами, ухоженными руками, с гонором. Они, похоже, только сейчас начинали понимать, что пленные нам не нужны, что не будет красивого суда и сгорающих от стыда

папочек.

Завершить дело я оставил троих бойцов и сержанта Келли. Верные, хорошие парни. Двое, Сайл и Рос, держали террористов под прицелом, Неджел стоял на входе в туннель, Келли чуть в стороне наблюдал за всеми.

Я не торопился. Хотел сначала посмотреть на тех, кого собрался убить. Понять, отчего люди так мало ценят *чужую* жизнь? Неужели дело не в воспитании и привычках – в крови? Мы, убийцы, все такие разные внешне...

Вот сын премьер-министра. Уже совсем не террорист – бледный, с посиневшими губами. Каково ему в шкуре заложника?

Вот молодой мерзавец, тоже явно из состоятельных. Как смотрит! Не понял пока, что он отсюда не выйдет. Открыл было рот. Наверное, думал, что меня пора покупать. Рос выстрелил ему под ноги. Разряд ушел в землю, предварительно вздувшись огненным шаром. Я не велел им раскрывать ртов. Я хотел всего лишь посмотреть на них перед смертью. Глупые мальчишки, заигравшиеся в экзотианцев. Зараза в крови своего мира. В этом мире так легко стать заразой.

Перевел оружие в домагнитный режим – пусть все будет быстро. Смерть мозга раньше смерти тела.

Вдруг глаза Келли, глядевшего мне за спину, округлились. Я знал, что сзади только Неджел, и он не из тех, кто корчит на посту рожи или встает на голову, но все-таки повернулся. Уж больно много удивления читалось во взгляде сержанта.

И было от чего.

Прямо на меня поднимался залитый кровью труп Дьюпа.

Он смотрел одним глазом и шарил левой рукой по кирпичам в поисках опоры. Под пальцами скользил край непромокаемого плаща, на который мы его уложили.

Я сам не понял, как успел подхватить тело командующего. Стал соображать, где же у нас аптечка. Аптечку я, похоже, «отпустил» вместе с теми, кто повел заложников. Вот ведь зараза. В следующий раз хоть что-то буду держать при себе. Как же он сидит, у него же дыра во лбу? У него там что, титановая пластина? Так пуля бы срикошетила и разворотила башку. А отверстие такое аккуратное, но без ожога.

И тут меня осенило. Это была не дырка от пули или чего-то типа, а дырка от кольца. Дьюпа, скорее всего, оглушили и вырвали с мясом кольцо. Типа развлекались, гады. Я рукавом стал стирать с его лица кровь, вспомнил про салфетки, что носил для Леса. Пригодились. Правда, сильно навести красоту мне не удалось, Дьюп отстранил мою руку и неразборчиво выругался. Наверно, боль мешала ему как следует оценить происходящее. Рука его была вялой, но теплой. Десять минут назад мне показалось, что он совершенно холодный и негибкий.

Я поскользнулся на чем-то... и понял, что это кольцо. Только не нормальное какое-то кольцо, а похожий на толстую таблетку контейнер с острыми краями. Видимо, кольцо служило только для маскировки.

Контейнер был вскрыт, по краям блестело липкое. Яд? Или наркотик, имитирующий действие яда? Зная Дьюпа, я мог предположить и то, и другое. Он вполне мог намеренно приучать организм к малым дозам яда. Он вообще много чего мог.

– Хэммэт тэ мае...

Я этого выражения не слышал. Понял только, что по-алайски.

Дьюп поморщился и, заваливаясь на меня всем телом, встал. Из-под правой ключицы толчками пошла кровь. Наверное, в него стреляли, чтобы удостовериться, что мертв. Яд в кольце мог содержать токсин, практически прекративший кровообращение, но сейчас кровообращение восстанавливалось, и с этим срочно нужно было что-то делать. Благо в руках я держал салфетки и буквально заткнул ими рану.

– Сержант, – лендслер выбрал взглядом Келли, безошибочно распознав, кто старший, хотя никаких знаков различия на моих бойцах сейчас не имелось. – Вон того, длинного, – он указал на министерского сына. – Того, что справа, и тощего – расстрелять.

Келли приподнял бровь. Я кивнул. В эту минуту я снова почувствовал себя стрелком-первогодкой, за которого еще мог кто-то что-то решать.

От разрядов на миг заложило уши, хотя, будь мы не в пещере, не почувствовали бы ничего.

Оставшиеся в живых террористы старались вжаться каж-

дый в свой кусок стены.

Дьюп начал медленно оседать на пол, и я постарался усадить его поудобнее. Перевязочного материала – то есть дорогого натурального белья – лежало теперь вокруг предостаточно. Я наскоро перетянул рану.

– Что с остальными делать, лендслер? – спросил я тихо.

– Делай что хочешь, Анджей.

Дьюп сжал мою ладонь, и я понял, что он все это время знал обо мне. Беспамятные боги, кого мы с Мерисом надеялись обмануть?

– У нас двадцать минут, – сказал я. – Генерал велел уходить, если...

– Знаю, – перебил меня командующий. – Мы собирались при плохом исходе затопить эту нору.

Я понял, что «при плохом исходе» – означало вместе с нами. Мерис мог, для него приказ есть приказ. Значит, Дьюп не хотел, чтобы кое-кто отсюда вышел. И эти кое-кто, похоже, уже остывали на холодном сыром кирпиче.

Я выпрямился. Носилки для Дьюпа ребята соорудили, его тело мы собирались выносить при любом раскладе. Оставалось решить, что делать с террористами. Если оставить в живых, они наверняка подтвердят, что приказ отдавал лендслер. Значит, Дьюпу снова грозит что-то вроде дисквалификации. И решать надо мне, потому что Колин, по сути, пощадил мерзавцев, что бы они там, глупые, ни думали.

Мы уложили Дьюпа на импровизированные носилки.

Лендслер не возражал. Скорее всего, он находился в сознании только символически.

Нужно послать парней с носилками вперед, а самые грязные дела доделывать самому. И я сейчас тут все доделаю. Если...

Если должность может стоять человеческой жизни. Пусть даже жизнь эта пошлая и мелкая.

Я посмотрел на людей у стены. Нормально мальчишки в войну поиграли.

Хорошо, если бы нас дисквалифицировали вместе с Дюпом. В конце концов, разве есть что-нибудь прекраснее абсолютно тупого положения пилота-стрелка, да пусть даже особиста, который сам ни за что не отвечает и не выбирает из того, из чего невозможно выбрать.

И я сказал совсем не то, что хотел:

– Проверь этот сброд еще раз, Келли, чтобы ни у кого – никакого подобия оружия, даже зубочисток. И гони их в большой проход. Через десять минут воду дадут, дерьмо раскиснет. А мы уже достаточно сегодня в дерьме накупались.

Келли ничего не спросил. Махнул парням и сказал им что-то по-лхасски. Это был его родной язык – редкий, полузабытый. На нем говорило-то всего две деревни. Видимо, из упрямства. Сержант Келли на стандарте выражался с акцентом, зато бойцов моих научил десятку фраз на своем полузабытом. Иногда нам это здорово помогало. Я понял «обискать» и «быстро».

Парни начали работать, не выпуская стволов. Один заложник решил, что это конец, и самоустранился на пол. Колени подогнулись. Рос, увидев, что террорист в сознании, за шкирку и пинками поднял его.

– Ну-ка, вы! – обратился к пленникам Келли. – Жить хотите – валите отсюда!

Террористы жались к стене и не очень-то верили.

– Бегом, я сказал! – взревел сержант.

После такого крика не побежать было невозможно, но они не побежали. А жалко. Это тоже могло решить проблему.

Но наши умные детки голов от страха не потеряли. Значит, широкий проход был-таки заминирован.

Пришлось нам гнать всю эту компанию в дыру, которую проделали сами.

Мы с Келли менялись – то он шел впереди, а я – подгонял, то наоборот. Нужно было торопиться, но Дюп весил не так уж мало, да и террористы еле плелись.

От угла отделилась тень, и я узнал Обезьяну. Он махнул мне на развилку. Значит, ребята что-то выяснили. Не стал спрашивать, не до того. Только мы успели загнать в боковое ответвление тоннеля свое стадо, как вдалеке прогремела серия взрывов. Потолок задрожал, но в нашем углу выдержал. Значит, Мерис что-то взорвал, и вниз уже хлынула вода. Мы побежали быстрее. Обезьяна маячил впереди, и ориентироваться стало легче.

Под ногами захлюпало. Дороги я не знал – ведет она под

уклон или как? И тут же мы уперлись в отвесную стену.

Среди моих бойцов было два бывших альпиниста, я их нарочно с собой взял. Вот на такой вот случай. Да и Обезьяна кое-чего стоил. Пока парни доставали снаряжение, он уже полез.

Кирпич здорово растрескался, высота – метра три, вода прибывала. Я прикидывал, как нам втащить наверх Дьюпа. Парни бросали кошки, но кирпич крошился, и зацепиться они никак не могли. Наконец Обезьяна влез, пользуясь не веревками, но своими уникальными руками, и крикнул сверху, что цепляться тут просто не за что – все давно сгнило или разохлось. Ребята полезли так, вбивая в кирпич железные клинья, или выламывая подобия ступенек.

Вода залила колени. Дьюп с трудом встал и шарил по карманам. Наконец, разодрав подкладку, он выковырял что-то круглое, похожее на бусину. Его обыскивали, но сканер не возьмет стекло или алмаз, например.

– Платок у тебя есть? – спросил он.

Я достал высохшую гигиеническую салфетку.

– Вот это дело, – Дьюп завернул бусину в салфетку, сунул в рот и, судя по хрусту, раскусил.

Я крикнул, чтобы бросали веревки.

Террористы столпились у стены.

– А ну вперед, – Келли ткнул одного стволом.

Я перевел взгляд на Дьюпа. Тот вытирал углом салфетки лицо и весь как-то порозовел. Потом выпрямился, и стало

видно, что двигается он теперь легче.

Значит, стимулятор.

Втроем – я, Келли и стимулятор – затащили-таки наверх Дьюпа.

И тут выяснилось, что половина наших ненужных друзей – на стену никак.

Вода уже доставала мне до груди, а рост у меня не маленький. Келли вообще стоял почти по горло в грязной вонючей жиже. Парни тащили сверху, мы с сержантом ругались и толкали снизу...

Как сам залез – не помню. Наверху мы с Келли рухнули на кирпич и пару минут позволили себе побыть в самой желанной в такой ситуации роли – трупов.

Все. Считай, дошли. А если что пойдет вкось, так теперь и навигацию можно запросить. Взрывчатку мы тоже не всю использовали. Выберемся как-нибудь.

Я поднялся и подошел к Дьюпу. Он уже почти не шатался. Надолго, интересно?

– Дай мне карту, – попросил он.

Я достал, сообразил, куда мы свернули. Стал показывать:

– Мы сейчас примерно вот тут. Можем в двух местах попытаться выйти. Нет, даже в трех, – я указал на помеченные Лесом проходы.

– Кто это тебя так подковал по местности? – Дьюп задумчиво разглядывал исчерченную по подсказкам Леса карту. – Пацан один местный. Тут, как выяснилось, подростко-

вые банды наркоту курят. Ну и лезят везде.

Дьюп подозвал Келли.

– Приведи мне двоих из той кучи.

Мокрые и умаявшиеся террористы сидели в углу, смирившись, видимо, со всем, что вообще может произойти.

– Лендслер двоим велел это... – сказал сержант Келли, мотнув головой в сторону Дьюпа. – Встали, в общем!

Парни не двигались. Тогда он вытащил одного за шиворот и поволок к нам. Второй поднялся сам. Надо же, герой нашелся.

– Садитесь рядом и смотрите на карту, – приказал Дьюп. – Мы сейчас уйдем вот в этот проход, правый. Вы пойдете налево, тут кладка самая старая, надеюсь, обрушений не будет. Выйдете у обрыва и обрывом же пройдете два километра до реки. Там отмоетесь. Вас тут никто не видел. Где вы были – ваше личное дело. По катакомбам шлялись, спайк курили. Ясно?

– Как это? – не понял тот, который подошел сам.

– Молча.

– Вам-то зачем это надо? – удивился парень.

Нам «это» было надо больше, чем им. За них папаши, вполне возможно, сегодня же внесли бы залог, а вот мы должны предъявить трупы, а не свидетелей собственного самоуправства. Но я промолчал. А Дьюп откинулся на стену, закрыл глаза и сказал:

– Считайте, что повезло.

И закашлялся.

И мы пошли по правому проходу, а они по левому. И у меня никогда еще не было так легко на душе.

P.S. Прости, друг. Если ты смотрел новости, то знаешь, что я тебя обманул. Все было совсем не так. Дырка у Дюпа была не на лбу, а в затылке, террористов вместе с заложниками я расстрелял лично. После чего лишился нашивок и прошел часть своего пути в штрафбате. И это правильно. Потому что я так и не научился стрелять в безоружных. И до сих пор те, в кого стрелял, стоят у меня перед глазами.

Я ни о чем не жалею. Но и не хочу никому рассказывать, что произошло на самом деле. Ведь это, согласись, была бы совсем другая история.

История девятая

Птицы падают, потому что летают

Из дневниковых записей пилота Агжеся Верена.

Абэсверт, Прат

Иногда я не понимаю, что такое высшая нервная деятельность и есть ли она вообще. Бывают дни и даже недели, когда чувства и желания теряю совсем, не теряя при этом способности жить.

Тело функционирует, мозг командует, желудок отправляет очередной транш в кишечник... Сознанию происходящее безразлично, но инициировать умирание ему тоже не хочется. Разве что убьют. Я даже кого-нибудь автоматически спасаю время от времени. (Хоть я и заточен на убийство лично генералом Мерисом, а он понимает толк в воспитании убийц.)

Вдох-выдох. Пауза между ними – цена любой боли, а время, достаточное для выстрела, еще короче – оно между ударами сердца.

Вообще-то, Мерис – умница, он научил меня принимать физическое наказание как инициацию. Иначе я вряд ли выжил бы в штрафбате. Кое-кто из сержантов, конечно, впечатлился тем, за что меня сюда отправили, но тут есть всякие. Некоторым – сахара не надо, лишь бы ударить тебя ногой.

Первый раз, еще на астероиде, я переживал незаслуженное насилие с болью и обидой на Мериса, обставившего порку, словно спектакль. Я не понял тогда, что он как раз и стремился вывернуть наизнанку все наше понятие о наказании в армаде. Он не хотел, чтобы мы искали потом в себе несуществующие грехи. В штрафбате бьют «за просто так» – за неудавшийся цвет кожи или морду, описанную не тем циркулем. Не устрой нам Мерис промывку мозгов, вряд ли избалованные хорошим обращением северяне выдержали бы тот беспредел, в который довелось окунуться на Юге. Это притом, что «мясом» мы тогда еще не были. Это сейчас я условное человеческое тело с татуировкой на виске, за которое практически никто никакой ответственности не несет. Меня можно просто списать. Сложнее списать даже форму на мне.

Но в первый раз мы были условниками без отягчающих статей, нас еще нельзя было так легко отправить в утиль. За это тоже прилетало иной раз. Но тогда я мог хотя бы пообещать сержанту, что придушу ночью, ведь условники все-таки солдаты, а штрафники на грунте – подконвойное мясо. Если дернешься лишний раз – пристрелят. Причины допишут к сопроводительному письму. Может быть.

Удивительно, насколько разные порядки в наземной армии и на флоте. На кораблях даже «мясо» не является ничемной единицей. «Татуированных» терпят, даже по-своему берегут. В крайнем случае – из штрафников получают

ся неплохие смертники. Но на грунте таких потенциальных смертников, видимо, слишком много.

Моя штрафная команда убирала на Прате трупы. Прат, если ты не знаешь, своего рода стационарная взрывбаза. Здесь центр по производству начинки для пиротехнических пирогов. Но потому и население планеты сразу оценило грамотность подавления бунта. И проэкзотианские настроения умерли в считанные дни, после того как на Прат кинули воздушные генераторы живого огня и нелинейные волновые излучатели...

Это было быстро и жестко. Большая часть боезапасов повстанцев рванулась в воздух. Погибло до пяти процентов населения. В массе – мирного. И тут же начались переговоры.

А нам достались трупы, переслоенные чем-нибудь недо-разорвавшимся.

Келли, руки которого росли из железа, многому меня научил. Взрывное дело было его любимым досугом. И я успел прыгнуть на Лерона Макрейна, потому что под мертвыми телами ставят не только растяжки, а еще и рассыпают дилам.

Порошок этот с виду совершенно неприметный – комковатый, грязный, но отлично взрывается на свету, если ночью сунуть его в рав-пакете под труп. Пакет потихоньку разлагается, дилам впитывает влагу, и остается только перевернуть тело, чтобы взрыв взял за одного лежащего пару-тройку пока еще бегающих. Порошок сначала стремительно темнеет, потом... Потом я успел оттолкнуть Лерона и прижать его к

земле. Спину мне, конечно, обожгло.

Сержант долго махал перед моей грязной мордой гэтом и расширял мое знание пайсака и алайского. Но прав был я, а не он. Датчиков у нас не имелось. Не было и собак – они чувят эту дрянь на раз. И я сделал то, что только и можно было сделать, увидев темнеющую на свету грязную массу.

Нашу группу отвели назад: убрать закладки вручную без намеренного риска невозможно. Пришлось просвечивать район с воздуха в терагерцовом диапазоне... Трупы засветились, сигнализируя, что единичный взрыв не случайность. Ими занялся спецон, а сержант, удивленный, что обошлось-таки сегодня без списания доверенных ему живых мертвецов, направил меня и Лерона в медчасть.

Лерону я сломал при падении руку, ребро и сделал пластическую носа с креном влево. Тяжел я для него оказался. Лерон тощий, даже форма висит мешком. Да и некогда мне было выбирать место, куда рухнем.

Регулярные войска обогнали нас прилично, медчасть пуствовала. Положили вдвоем в комнатенке на восьмерых. Мы захватили оба места у незарешеченного окна: он справа, я слева. Бежать было можно. Внизу я разглядел только две будки с охраной, сигнализация особой сложностью не отличалась. Но был ли смысл бежать? Особенно на Прате. – По гроб, – сказал Лерон, когда медик чавкнул дверью.

Я промолчал. Макрейн был мне мало интересен, вместе со своими гробами.

– Быковатый ты, – сказал Лерон.

Я изучал стену. Что ему с того, что держусь в стороне? – Правду говорят – северянин?

Я не кивнул.

– А еще гонят...

Я посмотрел на Макрейна долгим, ничего не предвещающим взглядом. Хорошего – ничего. Я знал, о чем шепчутся у меня за спиной. Да, я лично расстрелял пятьдесят одного правительственного ублюдка. И заложников, и террористов. Заложников – даже с большим удовольствием. Потому что понял – все они играли в одном спектакле. Одни хотели экзотианского протектората, другие – шли на прямую провокацию, чтобы разорвать планету пополам. Я смотрел на холодное тело Дьюпа, на весьма вольные отношения между заложниками и мнимыми террористами... Аннхелл был наш, имперский. Но в заброшенной канализации под городом так считала лишь горстка спецоновцев. Здесь, на Юге, всё оказалось так запутано...

Пятьдесят один человек лёг как один. Только рука затекла. Вопросы? Поаплодировали и сели. Да, трудно было. Да, замкнутое пространство. Из гэта – нельзя, сами бы потом задохнулись от жара и вони, а у импульсного – приличная магнитная отдача. Меня шатало, когда я вышел в проход и сдался Келли. Ну, может, и не от отдачи шатало. Пятьдесят, как один. И мальчишка какой-то. Последним. Я не буду больше стрелять в мальчишек.

– Не заводишь, – сказал Лерон. – Я тебе не фрайсудья.

Как он догадался, о чем я думаю? Худой, что пугало... Смешанных кровей?

Об экзотианцах много чего говорят. Например, что им трудно стрелять в людей, потому что чувства их глубже и рельефней. Они не только видят агонию, но и сопереживают ее. С каждым. Я – сопереживал? Не помню.

Лерон усмехнулся, почесал свежую татуировку на бритом виске. Моя – не чесалась. Потом протянул через проход квадратную ладонь.

Я пожал.

Закрыл глаза. Если сейчас распахнется дверь, нужно падать и перекатываться вперед, потому что назад – некуда.

Террористы были мальчишками, заложники – взрослыми дядьками. Мне не по мозгам оказалось оценить той каши, которую они там варили. Но я понял – на Аннхелле нет своих и чужих, есть свои-свои и свои-чужие. Кровь смешалась там через одного, а у того, у кого не смешалась, просто времени не достало. И надо, чтобы не проиграть, резать всех потенциальных чужих в правительстве планеты, что я, собственно, и сделал. Думаю, генерал Мерис счастлив теперь. Он примерно этого от меня и хотел.

– У человека всегда есть цель и предопределение. У одного – муху убить, у другого – мир спасти. Но для вечности – эти поступки равнозначные, – сказал вдруг Лерон.

Ему удалось меня удивить, но глаз я не открыл.

– Может, – продолжал он, – это и была твоя цель?

– Не цель это была – мишень, – поправил я сухо.

– Значит, цель осталась, – уверенно сказал Лерон.

У него был слишком звучный голос для такой тщедушной тушки.

– Нет у меня цели, – огрызнулся я. – Не лезь. Я тебя вытащил, я и приложу, как с кровати упал.

– Не приложишь, – усмехнулся мой товарищ по несчастью. – Тебе теперь, чтобы жить, нужно еще пятьдесят. – Ересь экзотианская, – отмахнулся я. Больно нелепо прозвучало то, что он сказал. Пятьдесят жизней за пятьдесят загубленных...

– Ты северянин, тебе не понять, – пробормотал Лерон. – У нас тут – не то, что у вас там. У нас никто не хочет быть куском имперского дерьма, понимаешь? Мы были люди, а потом пришли ваши корабли!

– Стоп, чумной, – я открыл-таки глаза. – Ты же солдат Империи?

– Это мой сержант – солдат Империи! А я хочу жить на солнечной стороне!

«Жить на солнечной стороне» – принцип заселения планет в мирах Экзотики. Они принципиально не живут в тех местах планеты, где неблагоприятный климат – слишком холодно или тепло, мало солнечных дней или хаотичны магнитные токи. Они много работают над климатом своих планет, но много и выбирают. У них нет нашего желания насе-

лить весь мир, как бы трудно это ни казалось.

Вот и Аннхелл начали заселять по экзотианским схемам. А потом пришли истинные хозяева, которые только нанимали сторонних климатологов и инженеров. И хозяева сказали, что те, кто научил жить «на солнечной стороне» – враги. Но вражда не укоренилась в массах. На Севере галактики к экзотианцам всегда относились настороженно, там наши народы никогда особенно не соприкасались, на Юге же население планет – сплошной овощной суп.

– Много вас таких? – спросил я.

Лерон промолчал.

Это было посерьезней ответа. Он не хотел мне ничего доказывать, а значит – и не нуждался в подтверждении своей правоты.

– Больной ты, – огрызнулся я. – Ваши светлые лозунги революции – с изнанки резня плюс мародеры. Дело не в Империи, дело в революциях. Не каждый способен выстрелить даже в убийцу своих детей, а ты веришь в пальбу по людям за какие-то идеалы! Отморозков вы плодите. И психов. Другое дело, что и мы – не лучше.

Лерон молчал.

Я повернулся, неудачно пробудив обожженную спину. Он сказал – пятьдесят...

Сколько же я пробуду в медчасти? Если спина заболела, значит, гель наложили временно, и кожу будут пересаживать. С чего вдруг такое отношение к штрафнику? И так

бы не сдох. Но это значит, что через неделю меня вернут в строй. А Лерон с рукой проведет здесь две. Можем и не увидаться больше.

Я открыл глаза и посмотрел на его худые плечи и поджатые колени. Для Макрейна происходящее не было инициацией. Война отнимала у него жизнь.

Утром меня прооперировали, и, придя в сознание, Лерона я уже не застал. Его увезли вместе с госпиталем, двинувшимся за нашими частями. А меня оставили на двое суток в реанимации, в городишке, который назывался Искерат. А потом вдруг кинули с Прата на Мах-ми, и я ощутил в этом длинную костлявую руку Мериса.

Смешно, но генералу я был нужен именно такой – озверевший и полумертвый. И вряд ли он согласился бы, что жизнь и смерть открыли во мне какой-то особый счет.

Большого бардака, чем на Мах-ми, кажется, не было нигде. Наши, чужие, наши мародеры, чужие мародеры, наши уличные банды, чужие уличные банды, наши религиозные фанатики, чужие религиозные фанатики... Плюс сомневающиеся всех окрасок...

Сунули меня не в штрафбат, а в гражданскую тюрьму. Сначала якобы временно, за неимением спецтранспорта. Потом забыли. И вот, когда обо мне забыли, я и уверился окончательно, что забыли не все. И порадовался, что не дернулся куда-нибудь сам. Ведь кроме Мериса, кому я был нужен? Ну, убежал бы... От себя-то не убежишь.

Тюрьма после штрафбата – курорт. Горячая пища, чистое белье, невзрывающиеся соседи. Татуировка на виске заставляла их относиться ко мне с забавной опаской, словно я сам был для них взрывпакетом.

А еще в тюрьме, в отличие от армейского карцера, никто не гонял меня с кровати. Я ложился на чешущуюся спину и думал, уставившись в потолок.

Кем был для меня Колин? Не подумай, что я его любил, у меня стандартные физиологические реакции. Но его душа питала мою душу или что-то вроде.

Он умер, так почему же я жив? И зачем мне эта душа, если от нее так тошно?

Шаги по коридору. Слышно, как поднимают на ноги соседнюю камеру. Шухер, как здесь выражаются.

К нам тоже заходят двое «бритых» – так в тюрьме называют полисов. Я вырастаю над ними, распрямляясь во весь свой гигантский для местных полукровок рост. Один из бритых, темноглазый молодой парень, все время нервно косится на меня. Думает, что я псих?

Мне хочется улыбнуться ему, но я не улыбаюсь. Улыбка может спровоцировать похуже прочего. А я не намерен нарываться и ломать планы Мериса. Кто я теперь без него?

Нас выводят на тюремный двор довольно приличной группой – человек в шестьдесят. Сверху медленно опускается старенькая десантная шлюпка, лет десять как снятая с вооружения. Le-40. Я не летал на таких, но Келли называл их

при мне «адский лифт». Что-то у них с гиробалансировкой неадекватное...

Шлюпка спускается так тихо, что кое-кто замечает ее, лишь глянув на мою задранную голову. И наконец – ветер встряхивает душный не по-весеннему вечер.

Нас всех загоняют в сорокаместную шлюпку. Я считаю по головам – шестьдесят восемь. Техники безопасности – ноль. Вместо нее двое полисов перед спинами пилотов.

Посадочный люк все еще открыт, и я слышу отдаленное гудение, накрывающее нас, словно ватное одеяло. Охренел кто-то наш или не наш. Среднего тоннажа космический корабль идет вниз на сопоставимой при атмосферных полетах скорости. Раз скорость погашена – это не катастрофа. Космический корабль нельзя посадить на планету в безаварийном режиме. Нас что, собираются бомбить? Корабль будет бомбить планету? Квэста Дадди пассейша...

Я оборачиваюсь, чтобы выглянуть в люк, вдруг мне мерещится-таки? Полис бледнеет и тычет в меня стволом. Оружие сенсорное, и я не очень-то пугаюсь. Кстати, это тот, темноглазый. Только глаза и темнеют на побелевшем лице. Да, похоже, я не ошибся. Беспредел, однако. Если космические корабли начнут уничтожать то, что внизу – зачем воевать? Планете вроде Мах-Ми хватит десятка КК, чтобы превратить ее в оплавленный слиток людей и земли.

Белый шум нарастает, уши закладывает, а мы все еще грузимся. Накроет же! Вот и полис боится, что накроет. И не

он один... А сзади орут и требуют взять кого-то. Наверняка вывели заключенных и из других камер. Но двор маленький – пока наша шлюпка не поднимется, другой не сесть. Наконец снимаемся с гравиподушки, ползем над зданием тюрьмы. Люк приоткрыт, его не могут загерметизировать, иначе он раздавит тех, кто жметя в хвосте. Но в шлюпке есть защита от дурака, она не даст в таком режиме активировать светочастотные экраны и форсировать скорость. Второй пилот просит отойти от люка. Потом орет в микрофон – толк тот же.

Вообще-то, люк надо закрыть чего бы это ни стоило, думаю я и проталкиваюсь в суматохе ближе к пилотам. Я один здесь такой спокойный. Я и не такое видел. Остальные мечутся, как могут. Спасает теснота, а отнюдь не грамотные действия охраны. И очень душно – вентиляция тоже рассчитана на сорок человек. Но сорок – усадили и пристегнули, а остальных никак не могут утрамбовать. Я же все протискаиваюсь, наступая на ноги и на руки.

Наконец вижу дисплей второго пилота... Слева по курсу – высокотемпературный источник радиации уже накрыл три-четыре единицы. Скорость распространения превышает нашу раза в полтора. У меня нет даже трех секунд.

Какой-то гад кусает за ногу. Я прыгаю вперед, сбиваю одного из бритых и дотягиваюсь до пульта. Полис висит на шее, но люк... Люк закрывается с диким, нечеловеческим визгом, чавкая теми, кто стоит у него на пути. Я еще успеваю выве-

сти на панель шкалу скорости, когда нас накрывает. Шлюпка вибрирует, перегрузка растет по стартовой кривой...

Дальше я сообщаю плохо, но руки продолжают что-то делать. У меня даже появляется союзник – второй пилот тихонечко выползает из ложементов и что-то кричит охранникам. Я не слышу. Он тоже, наверное, не слышит. Свист превращается в рев, давление растет, но перегрузка символическая для меня – раза в три-четыре больше обычной.

Наконец понимаю, что делаю и откуда перегрузка: я вывел шлюпку вертикально. У нас не активирован защитный контур, но и ограничений в скорости по этой же причине нет, только сила трения. Или мы изжаримся, или сумеем уйти из зоны поражения. КК явно палит не по нам, у него внизу какая-то цель, иначе мы уже стали бы бессмертными. (Бессмертными в заградительных отрядах называют трупы.)

На шее все еще висит охранник. Слава беспамятным, что у него не сорвало крышу и он не начал стрелять. В замкнутом помещении шлюпки досталось бы всем.

– Отпусти его! – орет второй пилот и пинает... Я слышу звуки ударов тяжелой магнитной обуви. – Пусти, чимор! Да пусти же!

Но полис, похоже, просто не в состоянии меня отпустить. – Не бей, – говорю я второму пилоту. – Попробуй разжать пальцы.

И поворачиваюсь к первому. И мне все становится понятно. Шлюпка старая, у нее завис авторежим, и пилот едва не

кулаками стучит по своей части пульта.

Я надеваю шлем, который снял второй.

– Брось, – говорю я тихо. – Пойдем на ручном.

– Видимости нет, – хрипло откликается первый пилот.

– Ничего, – так же тихо отзываюсь я. – Двадцать секунд назад зона поражения была – четыре единицы. Скорость распространения примерно пятнадцать-семнадцать единиц в минуту. Нужна только высота, чтобы сориентироваться.

– Гироскоп врет на этих шлюпках, – говорит он.

– Вычислить высоту можно и без гироскопа. Ничего. Не погонятся же они за нами? Кому нужен тюремный транспорт?

Рос учил меня считать при минимуме показаний приборов. Шлюпка грелась все сильнее, и считать надо было быстро.

– Попробуй активировать щит, – попросил я первого. – Я понимаю, что это моя работа, но я поведу, а ты попробуй. – Хорошо, – шепчет он. Потом ругается и говорит, что может только дополнительно опустить щитки. Но тогда мы полностью станем рыбкой в банке – приборы-то работают с искажениями. Но выбора нет.

– Закрывай, – соглашаюсь я. – Пойдем вслепую. Нужно, чтобы выдержала обшивка, остальное как-нибудь обойдется, в небо я не врежусь.

Перегрузка уменьшается, и охрана пытается восстановить статус-кво, интересуясь, куда это я полез. Второй пилот объ-

ясняет им все происходящее не самыми цензурными словами.

Первый включает радиосвязь и предупреждает:

– Сохраняйте спокойствие, шлюпка вынуждена двигаться без показаний приборов!

Эта простая фраза оказывается страшнее любой угрозы, и охрана замолкает. Для дополнительного эффекта я гашу основной свет, только маячки на панели мигают. Нам свет не нужен, гелиопластик пульта дает глубокую голокартину. Внешнего обзора – ноль, мы закрылись щитками, как перепуганный броненосец, а из приборов работают только тепловые камеры.

Я смотрю на инфракран и ничего хорошего там не вижу. Прямо по курсу зацветает очередной высокотемпературный цветок.

– Кто может дотянуться до ремней – пристегнуться! – команду я. – Остальным держаться за десантные крепления. Входим в зону светочастотного удара.

Я не ошибся ни на секунду. Тряхнуло как по графику.

– Считай до десяти, – привычно приказал я первому пилоту. Если не сумеем выйти за десять секунд, дальше можно уже не считать. Восемь-десять секунд мы выдержим, если не разгерметизируется обшивка.

Ускорение снова растет. Шлюпка вибрирует, как больной трясучкой. Вентиляция агонизирует и умирает. Следом за ней выгорают камеры инфракрана. Впрочем, чего я на них

взъелся? Они и так продержались удивительно долго.

Кто-то заорал, ожегшись о металлический поручень. Плохо. Еще пять секунд надо выдержать.

Люди задыхаются. В шлюпке густо пахнет кровью и горелым мясом. Я вроде бы чувствую, а вроде и нет. В такие моменты ты не человек, а линейка скорости на гелиопластике.

– Восемь, девять... – считает первый пилот. – И вдруг орет: – Падение температуры на обшивке!

И я останавливаю руку, плавно вдавливающую шкалу ускорения. И мы снова не в бездне между мирами, а в горячем аду шлюпочного нутра.

– Вышли в голубую зону?

– В зеленую, капитан, – неожиданно навеличивает меня первый пилот.

– Хорошо, – отзываюсь я. – Температура обшивки на пределе. – Вышли на ускорение шестнадцать. Снижаю по основному графику. Высота?

– Не могу оценить. Предположительно двенадцать-пятнадцать.

– По моим – тринадцать и восемь.

– Есть тринадцать и восемь.

– Радиация.

– Двести.

– Хорошо. Кажется, выбрались, – я оглядываюсь, вспомнив про второго пилота. Тот стоит за спиной, цепляясь за вспомогательную скобу...

– Меня вам представляли год назад, на Аннхелле, – говорит он, горячо дыша мне в лицо. – Вы, наверное, не помните, капитан Верен. Я – Арлей. Инстон Арлей из гарнизона «Дремлющий».

Я взгляделся, но не вспомнил. Гарнизон этот мы поднимали, да. Переучивали, натаскивали на изменившиеся условия боя. Я там бегал и орал, как сирена, потому что гарнизон был натурально дремлющий, не только в плане названия.

– Спасибо, сержант Арлей... – Не уступить ли ему место?

Пилот вдруг протянул руку, и я от неожиданности пожал ее. Оглянулся, проверяя, видит ли кто-нибудь. Но даже охране было не до нас. Темноглазого паренька тошнило в пакет. Полис, блин... По башке он меня долбануть не сноровился, но пакетик в кармане носит.

– Меняемся, Арлей?

– Сажайте лучше вы. Видимости как не было, так и нет.

В шлюпке было так душно, что те, кто сидел на полу, в массе уже лежали друг на друге. Только у пилотов оставалась возможность нормально дышать. Я выключил маску, чтобы кислород пошел в шлюпку. Спросил:

– Господин первый пилот, разрешите продолжить движение? – раньше у меня не было времени задать этот вопрос.

– А пошло оно все к стриженной бабушке, – отозвался первый, расстегнул шлем, и я узрел мальчишеский подбородок. – Лейсер Благовест! – он тоже протянул мне руку.

Лейсер? Лейтенант, что ли? Что за диалект?

– Агжей Верен, статья двадцатая, параграф первый – неподчинение приказу, – представился я на всякий случай. – Наслышан, – отозвался первый пилот.

– Командуйте, – кивнул я.

– Эфир пустой. Придется нам самим оценивать обстановку.

– Попробуйте на частоте спецона. Чисто теоретически – мы терпим бедствие.

– Частоты спецона на Мах-ми кодируются.

– Разрешите, я? – карту кодирования нас заставляли учить наизусть.

Первый код я набрал наобум, потом вспомнил про аварийные коды. И попал. Меня «прочитали» и выматерили.

– Слушай, я тоже ругаться умею! – сказал я невидимому дежурному. – ЭМ-17 можешь дать?

– Слушай ты, – отозвался дежурный, – если ты сейчас не опознаешься...

Первый пилот ввел позывные, и дежурный заткнулся.

– О как, – сказал он. – Тюремный конвой? Уцелели, что ли? Ну, идите в зону дезактивации, бедолаги. Сейчас я вас сориентирую по курсу... А ты кто, парень?

Обращался он явно ко мне, и я рискнул.

– Ктока моя фамилия.

– Я-ясно, – протянул дежурный. – Ладно. Вызову тебе ЭМ-17. Дальше – сам плавай. Пошлют – твои проблемы.

– Не пошлют – Келли будет должен, с него спросишь, –

отозвался я второй условной между спецональцами фразой, и дежурный удовлетворенно цокнул.

Келли меня, понятно, не ждал. Но дежурный донес до него, что вызывает кто-то «свой». И капитан спросил полхасски:

– На турмы, нэ?

– Ну, типа, да, – ответил я. – Спина чешется, но вроде ничего уже, здоровый. Чего и тебе желаю!

– Агжей!

– Так точно, капитан!

– Вижу тебя. Ослепли? Возьмите десять градусов ост. Две единицы до выхода из зоны светочастотного. Ждите медтранспорт!

– Какой нам медтранспорт, ты чего?

– Ждите, я сказал. Отбой связи.

Ой, Келли что-то задумал. Абстрактно мыслить он не умеет, конкретика так и прет...

Келли – удивительный мужик: аккуратный, домовитый. Дом далеко, так всю душу в корабль вкладывает. Родился он в отсталой языковой общине, в большой мир адаптироваться не сумел, а зарабатывать на жизнь надо – дома жена и две дочки. И он научился зарабатывать войной, подходя и к этой стерве практично и мастеровито. Если Келли что-то задумал, значит, так и будет. Он был суровым практиком. Поди и приказ уже имел от Мериса, как в какой ситуации поступать.

Осталось нам только успешно приземлиться вслепую и с перегретой обшивкой.

Я покосился на навигатор, вздохнул: показывал он такое, что лучше вообще не учитывать. Ох, не любил Келли эти самые Le-40. Видать, было за что.

Я ласково провел ладонями по пульту, проверяя, насколько нагрелся гелиопластик. Пульт шлюпки любит ласку, как женщина. Потому пилоты в сексе грубыми не бывают, по крайней мере, поговорка такая есть.

Сели мы в пригороде. На стекло: местность была песчаной. Я оглянулся, но не увидел город. Да, скорее всего, уже и города никакого не было. Здесь тоже здания оплавало со стороны светочастотного. Соседний забор был похож основательностью на тюремный, он принял на себя большую часть акустического удара и выглядел соответственно:

поверженные дозорные вышки лежали, по-бабьи раскинув длинные ноги.

Над нами кружили две спецоновские эмки, но садиться не спешили. Замеры, наверное, делали. Но наземные военные уже повылезали из своих дыр. Хмурые парни без нашивок выгоняли из подвалов местных, заставляли их стаскивать в кучу трупы. Наши зэки им помочь пока не могли – шок плюс тепловой шок. На ногах стоял я, оба пилота и один из полисов, крепкий оказался. Он сделал шаг ко мне, оступился на скользкой, оплавленной земле и упал к ней в объятья. Сглазил я его, что ли?

Напротив росла гора трупов. Тела – обожженные, искореженные, смятые и изломанные. Я выхватил острые лопатки и поджатые ноги. Сердце повисло. Перевернул... Нет, это был не Лерон.

И тут закапало вдруг, без туч и ветра, прямо с бурого, предзакатного неба. Я подставил было лицо, но его, и без того изъеденное потом, защипало, словно сверху лилась кислота. Дезактивацию начали, гады. Прямо со статистами. Вот тебе и медпомощь... Я натянул на голову робу и, задрав трикотажную майку, стал обтирать пылающую морду. Майка почернела: такой я был грязный. И посинела тоже. Я потер левый висок, потом, для верности, прошелся по нему тыльной стороной ладони и долго ее разглядывал. Краска была ядовито-синяя, цвет в цвет той, что идет штрафникам на татуировки.

История десятая

Слишком большой, чтобы...

Из дневниковых записей пилота Агжея Верена.

Абэсверт, Мах-ми

– Бак пафшкииц! Щамурафц!⁴

Я слушал и наслаждался. Пфайфики прозвали меня Бак, что по-ихнему означало – большой. И это не только за рост.

Я вообще оказался слишком «большим» для здешних гуманоидов, потому что нес в себе много чужого и непонятно-го.

До моего появления на астероиде пфайфиков жизнь текла по бинарному принципу: есть топливо – бери, нет топлива – отваливай.

И тут нарисовался я.

– Топлива нет! – заранее просигналили мне со старенькой, покореженной метеоритами базы.

– Ну и ладно, – сказал я и стал заходить на посадку.

– Топлива нет! – думая, что человекообразный плохо понимает стандарт, пфайфик стал показывать мне отсутствие горючки жестами.

Я энергично кивнул ему пару раз и... сел.

Сел против неписаных местных правил. Но и стрелять в

⁴ Этот Бак, да он же сумасшедший!

меня пфайфики не решились: топлива-то не завезли, а значит, и защищать нечего.

В обшарпанной проржавевшей забегаловке ко мне тут же подошел один, самый смелый, и, косясь на трех других, подпирающих головами сделанную под человека стойку, спросил на стандарте (их чириканье я понимал с большой натяжкой):

– Топливо ждать будешь?

– Нет, – сказал я и стал пить авт – местное слабоалкогольное пойло.

Пфайфик онемел. Удлинившимися от удивления глазами он влез практически в мою кружку, а пальцы сложил корбочкой, словно изготовился молиться.

Я пил.

– Так не будешь ждать топливо? – переспросил пфайфик, очумело таращась на меня.

– Не буду, – согласился я, равнодушно глядя, как мой зеленокожий собеседник бочком, точно краб, пятится к своим.

Конечно, на астероиде сейчас только и разговоров, что о моей персоне. Но передатчик тут маломощный, и дальше информация не уйдет.

Горючка меня действительно не интересовала. И то, что я официально числился штрафником, никак не мешало работать непосредственно на Мериса. А Мерис велел на недельку сдохнуть. Ну я и сдох.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.